

18+

Максим Коляскин

ТОНКАЯ ЧЁРНАЯ ЛИНИЯ

ПОВЕСТИ. СТИХИ

Максим Коляскин
Тонкая чёрная линия.
Повести. Стихи

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35238696
ISBN 9785449307705*

Аннотация

Во второе, дополненное издание книги под общим названием «Тонкая чёрная линия», помимо одноимённой повести и стихотворных произведений разных лет жизни автора, вошла повесть «Мёртвый сезон в Катартирио», написанная в 2024 году. Отдельная благодарность спонсору издания Даниилу Дмитриевичу Шамшад.

Содержание

Тонкая чёрная линия	5
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Тонкая чёрная линия

Повести. Стихи

Максим Коляскин

*Моим любимым родителям
и любимым родителям родителей
посвящается*

© Максим Коляскин, 2024

ISBN 978-5-4493-0770-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тонкая чёрная линия

Короткая повесть

*«Кто-то влез на табуретку
На мгновенье вспыхнул свет
И снова темно...»*

И. Ф. (Егор) Летов

Решительные перемены давались ему с трудом. Люди подобного склада, начиная с определённого возраста, медленно, но верно привыкают к однажды заведённому образу жизни, размеренности, стабильности, комфорту. Интересно, что степень комфорта при этом не имеет решающего значения. Комфортные условия такой человек создаёт себе сам. Для одного необходим особняк вдали от любопытных глаз или, по крайней мере, просторная, со вкусом обставленная квартира с домовитой женой или опрятной служанкой. Для другого достаточно тщательно охраняемой от посторонних ушей и глаз комнаты, а лучше, скромной, но комфортабельной квартирке, где каждый предмет интерьера, не говоря уже о мебели, имеет свою историю, своё значение и смысл в жизни хозяина.

Владельцем подобного уютного логова может оказаться крайне неряшливый тип, регулярно позволяющий своим сокровищам покрываться толстым слоем пыли. Встречают-

ся и отчаянные чистюли, для которых каждое пятнышко на полировке стола, на благородно поскрипывающем паркете и даже на сверкающем утренней свежестью унитаза – повод для серьёзного расстройства.

Наш герой возлюбил комфорт, уют, стабильность и размеренность жизни с раннего детства. В возрасте мальчишеской безалаберности он, конечно, мог позволить себе безоглядные шалости в уличных играх на открытом пространстве, но только не дома. Приятели, норовящие скинуть со стола конфетный фантик или, паче чаяния, разбить блюдце в родительской квартире, вызывали в нём тревогу и недоверие. В последующей жизни он старался тщательно выбирать спутников на своём пути, отстраняясь от сомнительных друзей и легкомысленных женщин. Впрочем, подобная избирательность в людях, как и в предметах обихода, не уберегла его от ошибок и удручающих неприятностей.

Следует предположить, что в характере нашего героя присутствовала некая противоестественность. Излишне скромный и рассудительный в детстве, в зрелом возрасте он начал позволять себе чрезмерные вольности, чтобы на склоне лет прийти к удивительному выводу: к неустроенности общественной и личной жизни, как и к пугающим на первый взгляд переменам следует относиться спокойно, как к данности. Подобные мысли принесли гармонию, жизнелюбие, даже человеколюбие, пожалуй. Жаль только, что на часах нашего героя шёл уже не четвёртый, а седьмой десяток лет.

Строить новую, прекрасную жизнь, без оглядки на прошлое и на досужих доброжелателей, оказалось поздновато. Косвенным, но важным, доказательством подобному утверждению стали проблемы со здоровьем. Маленькие, большие, а затем и очень большие болячки навалились на пожилого мужчину тяжёлой ношей, ограничивающей свободу и радости жизни.

Люди имеют привычку рассуждать о справедливости и часто приходят к выводу о том, что её в нашем мире не существует. Возможно, нам не следует вспоминать о ней вообще? Откуда нам знать о высшей справедливости, если такое слово присутствует в лексиконе небесных сфер? Отчего к главному делу короткого человеческого века нас часто ведёт долгий, извилистый и тернистый путь? Как бы то ни было, наш герой нашёл себя, свою стезю и отдушину, лишь во второй половине жизни.

Способность излагать мысли в письменном виде открылась ему в детстве и использовалась по мере необходимости, но найти ей достойную точку приложения удалось лишь после сорока лет. Жизненный опыт ли помог появлению идей, просившихся на бумагу, или то самое ощущение свободы от железобетонных законов обыденности? Да так ли это важно? Замыслы рождались налету, он обдумывал, анализировал и писал, писал, писал, прекрасно понимая, что за него это не сможет сделать никто на целом свете. Времени на реализацию идей, как водится, постоянно не хватало. Приходи-

лось сосредотачиваться на главном, отсекая второстепенные цели, как в творчестве, так и в жизни. Однако новый жизненный этап вскоре стал напоминать ещё и гонку со стремительно нагоняющими человека болезнями. Они настигали, он пытался сопротивляться. Иногда удавалось оторваться от недугов, но чаще мужчина осознавал превосходящую его возможности силу противника и принимал новые правила игры. Болезнь заставляла соблюдать постельный режим, он продолжал писать книги, лежа на кровати в своей уютной квартире. Врачи требовали заключения больного в стационар, он продолжал писать в палате, раскрыв ноутбук или блокнот на своём животе, укрытом больничным одеялом.

Скажите, кому может помешать стареющий человек, который не досаждаёт людям своим существованием, а тихо занимается личным творчеством, без претензий на всемирную славу и фантастические гонорары? Тем не менее, жизнь нашего героя, которого из уважения к его творчеству в дальнейшем повествовании мы станем называть Писателем, припасла для него новые, тягостные препятствия, казавшиеся чрезмерными с точки зрения человеческого понятия справедливости. Болезнь накинута на Писателя с новой силой и окончательно приговорила его к больничной койке и, что самое страшное, к полнейшей слепоте.

Ему явилась новая и весьма неприятная реальность, новые жёсткие ограничения в очередном медицинском учре-

ждении, куда мужчину привезли слабым и беспомощным. Через некоторое время он начал приходить в себя, но смириться с жизнью в темноте, на кровати в больничной палате казалось невозможным. Писатель впал в депрессию, потерял аппетит, срывался на персонале клиники, а посетителей не желал принимать вовсе. Излишне многословный лечащий врач услышал о себе много нового от не владеющего собой пациента и с трудом сдерживался от ответных выпадов. Квалифицированные и внимательные медицинские сёстры только вздыхали, не желая вступать в ненужные дебаты с острым на язык нервным пациентом. Лишь через неделю Писателю удалось более-менее успокоиться и осознать, что «тёмная реальность» – это всерьёз и надолго. «Как теперь жить? Не мне судить, – размышлял он, – но кто-то решил меня помучить. Найти бы хоть какую-то светлую сторону у такого существования, но где её искать-то?» Нельзя сказать, что наш герой окончательно смирился. Скорее он решил, насколько возможно, не изменять принципам жизни, точно сформулированным за последние полтора десятка лет. Звучали они следующим образом: не отравлять жизнь окружающим людям; не ввязываться в бесполезные споры с ними, с собой, с Богом; находить хотя бы малую толику радости в каждом новом дне. Для начала Писатель решил извиниться перед медицинским персоналом за своё неподобающее поведение, но утром наступивших суток его ожидал сюрприз.

В палате появилась новая, незнакомая ему сиделка.

И она-то начала общение с большим удивительным образом, не пришедшим в голову кому-либо другому.

– Здравствуйте! – произнёс негромкий женский голос, поразивший Писателя своей особенной бархатистой тональностью. – Что бы Вам хотелось прямо сейчас?

– Бутылку водки и пачку сигарет! – моментально отреагировал он.

– Рюмку и одну сигарету, – женская реакция не уступила мужской, – но только после водных процедур и нескольких ложек йогурта.

Писатель не нашёлся, что ответить, и молчаливо съёс вежливые прикосновения женских рук, вооружённых сначала влажным, а затем мягким сухим полотенцем. И лишь проглотив без сопротивления настойчиво предложенный ему кисломолочный продукт, произнёс с сомнением в голосе:

– С водкой и сигаретой Вы меня обдурили, конечно, чтобы не выслушивать претензии и спокойно накормить?

– Вы ошибаетесь, – ответила сиделка и предложила: – Давайте договоримся о нюансах нашего общения. Я не стану обманывать Вас, ни при каких обстоятельствах. Для меня крайне желательно, чтобы Вы ответили мне взаимностью. А теперь обещанная водка... или виски, например?

– Виски, – автоматически ответил Писатель и погрузился в мир звуков, доставлявших ему нескрываемое наслаждение. Сначала открылся холодильник, глухо звякнула бутылка, затем с её горлышка с характерными щелчками свинтили

пробку, и в стеклянный сосуд полилась жидкость. Говорят, что отсутствие зрения обостряет другие органы чувств. Писатель готов был поклясться, что сразу почувствовал аромат напитка, и спросил: – «Red Label»?

– О, да Вы – знаток подобных напитков? – тихо засмеялась сиделка и поднесла рюмку к лицу пациента.

– Позвольте, я сам, – он улыбнулся, медленно поднял правую руку, мимоходом коснулся ткани женской одежды (вероятно, медицинского халата) и достиг прохладной стеклянной поверхности сосуда. Сиделка помогла ему осторожно перехватить рюмку с угаданным сортом виски. Медленный и проникновенный процесс употребления продукта доставил Писателю невероятное удовольствие.

– Вы пили виски с таким наслаждением, будто это божественный нектар! – таинственно прошептала сиделка и снова рассмеялась тихими бархатистыми руладами. – Курить Вы тоже предпочитаете самостоятельно? Что же, давайте попробуем. Я поставлю на Вашу грудь баночку, которая послужит пепельницей, и буду следить, чтобы не случилось пожара...

Первые, неглубокие затяжки Писатель делал, будто прислушиваясь к реакции собственного организма. Организм блаженствовал. Какое, оказывается, удовольствие можно получить от одной рюмки спиртного и одной сигареты!

– Спасибо, добрый ангел! По-моему, нам пора познакомиться, – проговорил Писатель, поддерживая левой рукой импровизированную пепельницу, в недрах которой он ту-

шил окурок. – Подозреваю, что моё имя Вам известно. А как мне величать Вас?

– Меня зовут Юлия, – произнесла сиделка, перехватывая баночку и немедленно закрывая её крышкой...

В день знакомства она провела со своим подопечным не менее двенадцати часов. Юлия не лезла в душу больного и не приставала к нему с расспросами, он вёл себя аналогично. Неторопливый разговор на нейтральные темы многократно прерывался. Приходил с визитом лечащий врач, немедленно получивший от пациента солидную порцию горячих извинений и, кажется, ушедший растроганным. Кроме того, больному ставили капельницы, он принимал пищу с внезапно появившимся аппетитом. Но после каждого перерыва разговор возобновлялся, доставляя Писателю радость не особенным смыслом, а светлой и радужной атмосферой.

Следующим утром, в ожидании общения со своим добрым ангелом, Писатель проснулся рано. Пожалуй, даже слишком рано, ночная сиделка ещё не сменилась. Но он не расстроился, спокойно пережил необходимые для лежащего больного манипуляции и порадовал медичку словами благодарности. Юлию Писатель встретил с улыбкой, огорчась лишь тому, что не в состоянии увидеть чудесного ангела воочию.

– Здравствуйте! – как и накануне произнесла она. – Что бы Вам хотелось прямо сейчас?

– Здравствуйте, Юля! – засмеялся больной и выпалил: – Я хотел бы прогуляться с Вами под ручку!

– Прогуляться? Отличная идея! – откликнулась дневная сиделка. – Под ручку не обещаю, но если Вы с моей помощью пересядете в кресло-каталку, мы сможем прогуляться. Доктор возражать не станет. Согласны?

Процесс облачения в халат и перемещения с кровати в кресло оказался длительным и трудоёмким для обоих, а моментами и болезненным для Писателя. Ноги слушались плохо, координация в пространстве оставляла желать лучшего. Но результат стоил таких мучений! Юля вывезла своего подопечного в больничный сквер навстречу свежему воздуху, чирикающим на деревьях птицам и ласковому июньскому солнышку. «Здравствуй, солнце!» – прошептал Писатель, тьма в глазах которого чуть просветлела при взгляде на светило. Рука Юлии легла на его плечо, и он прижался к ней щекой. Они гуляли по скверу, говорили о пустяках, дурачились, смеялись. В голове Писателя повторялась одна и та же незатейливая мысль: как мало нужно человеку для счастья!

Часом позднее сиделка привезла больного обратно в палату. На удивление, он несколько не утомился. Напротив, чувствовал себя превосходно и даже решился на небольшое хулиганство. С усилием поднимаясь с кресла-каталки, Писатель покачнулся, делая вид, что может упасть. Юля подхватила его, и мужчина немедленно заключил женщину в объятия. Лукавый эксперимент позволил ему получить новую

информацию о своём ангеле. Судя по всему, сиделка была одного с ним роста и хорошо сложена. Впрочем, Писатель не стал испытывать судьбу, быстро выпустил Юлию из рук и попросил у неё прощения.

– Вам не следует извиняться! Вы не совершили ничего криминального, – заговорила она, подавая больному руку. Писатель немедленно ухватился за неё, не для страховки, а для удовольствия ласкового пожатия длинных и прохладных женских пальчиков. Юля не обращала никакого внимания на вольности пациента и продолжала свою мысль: – Кстати, я думаю, что Вам не следует называть меня на «Вы». По крайней мере, для меня обращение на «ты» с Вашей стороны представляется более естественным, уютным и приятным.

– Без брудершафта? – не удержался от очередной лукавой шутки Писатель.

– Думаю, повод выпить ещё найдётся, а сегодня нам хорошо и без спиртного, не правда ли? – парировала Юлия и, громко улыбнувшись, добавила: – А поцелую я Вас ближе к ночи, если не передумаете!

– Ни за что и никогда!

– Вот как? Приятно слышать! – весело откликнулась сиделка и, в свою очередь, не удержалась от шутки: – А сейчас, раз уж Вы так твёрдо стоите на ногах, не надеть ли заранее ночной памперс?

– Фу, какая ты гадкая, Юля! – нахмурился Писатель,

но через мгновение разгладил лоб и произнёс с вызовом: – Нехорошо укорять взрослого мужчину его немощью! Лучше помоги мне добраться до туалета. Кое-что я ещё в состоянии сделать самостоятельно, а ты контролируй, если это необходимо...

Тихо и беззлобно посмеиваясь, но и не забывая страховать незрячего подопечного, Юлия довела его до туалета, расположенного у выхода из палаты, и помогла присесть на унитаз. «Не стесняйтесь, пожалуйста!» – прошептала она на ухо Писателю. Тот лишь глубоко вздохнул. А Юля, убедившись, что силы у больного не иссякли, предложила ему зайти под душ. Он не возражал. Более того, мысли о том, как сиделка станет мыть его тело своими ласковыми руками, вызвали в нём тёплую волну предчувствия. Но стоило Юлии прикоснуться к нему, Писатель выхватил у неё намыленную мочалку и принялся мыться самостоятельно...

– Могла бы и отвернуться, – нарочито строго бурчал он. – Что высматривать-то?

– Да вот высмотрела, – захихикала сиделка, – что не так-то Вы и больны, как говорят врачи!

– А тебе не пришло в голову, что меня волнует твоё присутствие? – даже и не думал смущаться Писатель...

– Вы меня удивляете, – тихо произнесла Юля, вытирая своего подопечного. Она закутала мужчину в простыню и проводила до постели.

– Спасибо, мой ангел чудесный! – с улыбкой воскликнул он, с удовольствием принимая горизонтальное положение на удобной кровати, и задал сиделке её фирменный «утренний» вопрос: – А что бы тебе хотелось прямо сейчас?

– Мне? – изумилась она. – О, у меня есть одно большое желание! Но я озвучу его после того, как Вы отдохнёте и подкрепитесь...

Писатель не возражал. Первая половина дня принесла ему приятное утомление и массу положительных эмоций. Он быстро и легко уснул, сжимая в руке прохладные пальцы Юлии. Больной улыбался во сне на радость сиделке. Ему впервые за долгое время снился сон. Он не запомнил его содержания, но ощущение радости, многоцветности, свободы осталось. Проспав больше двух часов, Писатель вынырнул яркого сновидения в темноту реальности, вздохнул, улыбнулся и произнёс: «Юлия, ангел мой, ты здесь?» Сиделка моментально откликнулась и следующие полчаса умывала, кормила и развлекала своего подопечного шутками, пока он не прервал её повторным вопросом:

– Так что бы тебе хотелось прямо сейчас, Юля? Поведай мне о своём большом желании.

– А Вы не рассердитесь? – таинственным шёпотом произнесла она. Больной отрицательно покачал головой на подушке, и сиделка решительно выпалила: – Здесь и сейчас я больше всего хочу, чтобы Вы продолжили писать свои книги!

– Книги... Думаешь мне самому этого не хочется? – про-

бормотал Писатель, и на его высоком лбу собрались морщины. Впрочем, лоб мужчины быстро разгладился, а в морщинах у незрячих глаз заиграла хитрая улыбка: – Для сиделки ты слишком хорошо осведомлена обо мне, Юленька! Не иначе, как ко мне заслали шпионку!

– Разведчицу! – звонко рассмеялась она. – Я сама себя заслала и, если Вы помните наш уговор, могу рассказать о себе. Если, конечно, Вас интересует моя жизнь...

– Ещё бы! – искренне воскликнул он. – Итак, мы не обманываем друг друга, что бы не происходило? Куда это нас приведёт, чудный ангел?

– К истине. Вы узнаете меня, и я Вас узнаю гораздо быстрее, чем это происходит обычно. Людям свойственно лукавить, скрывать свои недостатки, да и просто ходить вокруг, да около. Даже если два человека искренне интересуются друг другом, они сомневаются, не доверяют своему порыву, скрывают эмоции и сближаются медленно, словно на ощупь.

– На ощупь? – изумился Писатель, и в голосе его появилась мягкая, кошачья интонация: – По-моему, это очень романтично, медленно, проникновенно. И слово мне очень нравится, и его прямой смысл...

– Но этот смысл не единственный, – прыснула Юлия и с шутливым упрёком заметила: – А Вы – хулиган! Впрочем, для любителей Ваших книг – это не секрет. А я прочитала всё, что Вами написано...

– Так уже прямо и всё?!

– Ну, всё что нашла: прозу, пьесы, миниатюры, стихи...

– Понятно. Но ты обещала говорить о себе.

– Я и рассказываю! Моя семья близка к литературе. Мама писала стихи... Она умерла три года назад. А я закончила обучение на факультете журналистики, но по специальности не работала. Критические статьи для издательства, анализ современной литературы, эссе о литературе прежних лет – вот чем я занимаюсь. Как Вы понимаете, читаю много, и в один чудесный день наткнулась на Вашу книгу.

– Чудесный? Тебе до такой степени понравилась моя писанина?

– Понравилась – не вполне точное слово в данном случае. Ваша книга показалась мне далёкой от совершенства. Она раздражала, но так, как могут раздражать шалости любимого ребёнка, чудачества любимого мужчины. Мне хотелось искать общий язык с Вашими героями, разговаривать с автором. До той поры у меня не возникало стремления к интимной близости с текстами даже самых талантливых, гениальных писателей. Здесь же возникла острая необходимость связаться с Вами, чтобы обсуждать текст, спорить о судьбах героев, заниматься осторожным редактированием, быть может...

– Так почему же ты не списалась со мной, Юля? – вкрадчиво спросил Писатель, сжимая руку сиделки. Невозможность заглянуть сейчас в её глаза доводила его до иступления.

– Я стеснялась! – тихо, словно извиняясь, ответила она и обняла мужскую руку обеими ладонями: – Мною владели удивительное ощущение прикосновения к чему-то, прямо как наша жизнь, несовершенному, но близкому и родному. Чудесное состояние, похожее на первую любовь. Я, конечно, нашла адрес Вашей электронной почты, но написать не решилась. Не могла толково сформулировать текст письма, да и руки начинали трястись от волнения. Нет, я знакомясь с автором по его творчеству, получала информацию о Вас из социальных сетей. Однако промелькнувшие слухи о Вашей болезни изменили всё. До отчаяния мне стало понятно, что колебаться и выжидать больше нельзя! Я взяла отпуск и, пользуясь тем, что закончила в своё время курсы медицинских сестёр, оказалась здесь, рядом с Вами...

– Невероятная история, – задумчиво произнёс Писатель. Пауза длилась не более минуты, показавшейся Юлии вечностью. Больной неожиданно освободил руку из ладоней сиделки, приподнялся от подушки и расчётливым движением, словно зрячий, положил руки на плечи женщины и заговорил твёрдо и энергично: – Что мне сказать, Юленька? Не могу обещать, что сверну горы, но пока силы меня не оставили, я готов работать. С тобой работать, Юля! Не будем терять время. С чего начнём?

– Вы не шутите?! – ахнула она. Писатель отрицательно покачал головой, и, распахнув свои руки, Юлия прижалась к его обнажившемуся торсу. Восстановив дыхание после на-

пльва эмоций, она прошептала: – Я уверена, что у Вас имеются ещё нереализованные идеи...

– И ты права! – больной поцеловал свою сиделку в растрепавшиеся на голове волосы и откинулся на подушку: – К завтрашнему утру я озвучу тебе свою задумку. Буду диктовать текст, а ты записывать или фиксировать на диктофон, а лучше и то, и другое. Но у меня есть и ещё одна мысль. Что ты там говорила о редакции?

– Вы хотите отредактировать свою «большую книгу»?

– Я хотел бы там кое-что подправить, но эта работа может подождать. Мне хочется с твоей помощью вычитать и окончательно отредактировать продолжение, точнее, окончание «большой книги», как ты её назвала...

– Продолжение? Существует продолжение?! – изумилась Юлия.

Разговор затянулся, но сиделка и её подопечный забыли о существовании времени. Писатель рассказывал о тексте второй части своего масштабного труда, практически готового к печати. Новая книга нуждалась только в чистовой редакции и оформлении. Автор сам не мог объяснить, почему до сих пор не опубликовал хотя бы часть текста. Всё время что-то мешало. То стремление напечатать свой труд сразу в полном объёме; то маниакальное ощущение недосказанности, незаконченности, неидеальности взлелеянного им произведения; то глупое желание самому иллюстрировать кни-

гу, несмотря на отсутствие таланта художника; то жизненная суета; то болезнь, плохое настроение и прочий вздор.

– Вероятно, окончание «большой книги» ожидало своего «окончательного редактора». Не исключено, что им станешь ты, Юля...

– Я не решаюсь поверить Вашим словам, но сделаю всё, что смогу! – произнесла сиделка ломающим голосом. – Мне немного страшно почему-то, но под Вашим руководством я справлюсь, наверное. К тому же у меня есть некоторый опыт работы над первой половиной книги...

– Ты редактировала её без моего согласия? – нарочито грозно воскликнул Писатель и рассмеялся вслед словам.

– Нет-нет, как бы я посмела? У меня есть блокнот с пометками к страницам книги, – пояснила Юлия, – и если Вам будет интересно...

– Мне очень интересно, – не дал договорить сиделке больной, – но сейчас нам не следует хвататься за всё и сразу. Видишь на моей груди, рядом с нательным крестиком серебряный медальон? Сними его с цепочки своими руками...

Сиделка наклонилась к своему подопечному. Она с предельной осторожностью, будто великую драгоценность, тонкими пальчиками отсоединила медальон и зажала его в ладони. Юлия уже догадалась, какое сокровище попало к ней в руки, но всё-таки спросила:

– Что это?

– Это всё, что у меня есть, не считая спрятанного за ду-

шой, – улыбнулся Писатель. – Возможно, с моей стороны легкомысленно доверить всю свою жизнь почти незнакомой молодой женщине, но раз мы договорились о честности взаимоотношений...

– Даже не сомневайтесь!

– Я и не сомневаюсь. В памяти медальона ты найдёшь мою писанину, разную... Есть там и материалы, не относящиеся к литературе. Если интересно, можешь ознакомиться и с ними. Впрочем, это имеет смысл лишь в случае, если тебе важен полный портрет больного, без изъянов! – немного натужно рассмеялся он. – Только прошу тебя не торопиться с чтением. Мы же решили начать завтра новый труд, правда? Более того, моё больное сознание рисует новую жизнь: островок в океане, она и он, жизнь и творчество на ощупь... На этом невероятном острове я буду называть тебя Евой, хорошо?

– Прекрасно! В таком случае Вы станете моим Адамом...

После того, как Юлю сменила ночная сиделка, Писателю захотелось немедленно уснуть, чтобы встретить новый день отдохнувшим, открытым радости и манящей неизвестности творчества. Но быстро отключить своё сознание, перебирающие обрывки нереализованных ранее задумок и сюжетов, не получилось. Поздней ночью в смятенную душу Писателя постучалась редкая гостя – дочь вдохновения, долгожданная Идея. Он счастливо улыбнулся, и ещё некоторое время

обсуждал с гостьей принципы взаимопонимания. Уснул Писатель только после того, как подписал с Идеей Декларацию о намерениях.

Несмотря на недолгий сон, он проснулся бодрым и радостным за несколько минут до появления Юли. Она же показалась ему сегодня непривычно молчаливой и несколько заторможенной.

– Что случилось, Юленька? – встревожено спросил он.

– Я – Ева! – неожиданно заявила она и удручённо проговорила: – Я не выспалась, но не обращайтесь на это внимания. Простите, пожалуйста, но мне не удалось удержаться. Прочитала окончание Вашей «большой книги»...

– Полностью? – охнул он. – По-моему, это невозможно. Когда же ты успела?!

– Вы правы, прочитать за ночь такой объёмный текст невозможно, поэтому я его... проглотила...

– Ты – несносная девчонка, Ева! Зачем так торопиться? Скоро, завтра, наверное, у тебя появится достаточно времени для чтения. И потом, мы же договаривались!

– О, простите, мой Адам! – с надрывом провинциальной актрисы воскликнула Юлия и чмокнула Писателя в щёку. – Я хотела прочесть всего несколько страничек, но не смогла остановиться. Окончание Вашей книги повергло меня в ступор. Что там редактировать?! Не понимаю, как Вам это удалось, но прочитанный мною текст – прыжок вверх, на новый уровень!

– Так и должно быть, – с удовольствием усмехнулся Писатель и пояснил: – Автор растёт вместе с героями книги. Но скажи мне на милость, ты совершенно не в состоянии работать? Я настроился, а завтра... Завтра всё будет сложнее.

– Да? Что за странные разговоры о завтрашнем дне? Почему всё станет сложнее, и у меня появится время на чтение? Вы что-то не договариваете!

– Извини, Юленька, но я чувствую, что завтра меня ожидает новый приступ болезни, – неожиданно признался он, – но пусть это останется между нами.

– Я – Ева! – снова повторила Юля, но теперь её слова прозвучали задумчиво и печально. – Не знаю, откуда у Вас подобные предчувствия, но готова просто поверить. Короче говоря, сейчас я пью кофе, и мы занимаемся работой по плану. Затем Вы берёте короткий отпуск на борьбу с болезнью, после которого мы продолжаем работать. Я правильно поняла Вас?

– Абсолютно точно! Пей свой кофе, Ева...

Сиделка заварила себе крепчайший кофе. Писатель сначала с удовольствием принюхивался, затем постарался занять максимально удобное положение на своей больничной койке, и через несколько минут оба были готовы к работе. Ева открыла ноутбук и включила диктофон, её новоиспечённый Адам начал диктовать. Говорил он негромко, но внятно, сначала медленно, с паузами, а затем, поймав ритм и мелодию, всё живее и ярче.

«Решительные перемены в жизни давались Адаму с трудом».

– Адам? Почему Адам? – удивилась Ева. – Вы решили писать о себе?

– В каждой книге есть частица автора, но это не значит, что он всё время пишет о себе. Имя главного героя пришло мне в голову только сейчас... Откуда оно взялось, ты не знаешь? Почему бы ему не быть Адамом? В конце концов, я – не Адам, точнее – не совсем Адам. Да, пусть даже я и Адам, но лишь рядом с тобой, моей Евой! Так почему бы нашему герою не называться Адамом? – эффектно жестикулируя, со смехом проговорил Писатель и продолжил диктовать текст.

«Люди подобного склада, начиная с определённого возраста, медленно, но верно привыкают к однажды заведённому образу жизни, размеренности, стабильности, комфорту. Интересно, что степень комфорта при этом не имеет решающего значения. Комфортные условия такой человек создаёт себе сам. Для одного необходим особняк вдали от любопытных глаз или, по крайней мере, просторная, со вкусом обставленная квартира с домовитой женой или опрятной служанкой. Для другого достаточно тщательно охраняемой от посторонних ушей и глаз комнаты, а луч-

ше, скромной, но комфортабельной квартирке, где каждый предмет интерьера, не говоря уже о мебели, имеет свою историю, своё значение и смысл в жизни хозяина.

Владельцем подобного уютного логова может оказаться крайне неряшливый человек, регулярно позволяющий своим сокровищам покрываться толстым слоем пыли. Встречаются и отчаянные чистюли, для которых каждое пятнышко на полировке стола, на благородно поскрипывающем паркете и даже на сверкающем утренней свежестью унитаза – повод для серьёзного расстройства.

Наш герой возлюбил комфорт, уют, стабильность и размеренность жизни с раннего детства. В возрасте мальчишеской безалаберности он, конечно, мог позволить себе безоглядные шалости в уличных играх на открытом пространстве, но только не дома. Приятели, норовящие скинуть со стола конфетный фантик или, паче чаяния, разбить блюдо в родительской квартире, вызывали в нём тревогу и недоверие. В последующей жизни Адам старался тщательно выбирать спутников на своём пути, отстраняясь от сомнительных друзей и легкомысленных женщин. Впрочем, подобная избирательность в людях, как и в предметах обихода, не уберегла его от ошибок и удручающих неприятностей.

Надо сказать, что и профессию Адам выбрал в соответствии со своим характером. Он получил экономическое об-

разование и работал бухгалтером. В лихие годы многие его коллеги, оказавшись заложниками ситуации, норовили выловить жирную рыбу в мутной воде хаоса и беззакония. Их судьба в те времена напоминала русские горки, а иногда и русскую рулетку. Они сказочно богатели, но часто теряли всё: материальные блага, семьи, свободу, а порою, и жизнь. Благоразумный Адам ловко преодолел соблазны смутного времени, не вляпался ни в одну криминальную историю и, разумеется, не приобрёл ни высокого положения в обществе, ни великих материальных благ. Он жил в своей скромной однокомнатной квартире в спальном районе и несколько не переживал по этому поводу. Адам сам создал неповторимый уют своего жилища, которое не променял бы на замки и дворцы.

Однако и затворником в собственном логове он не стал. Упрекать Адама в закрытости и нелюдимости было бы несправедливо. Время от времени он выбирался в театр, кино или на выставки и концерты, отправлялся в гости к родственникам и друзьям. Впрочем, в своё логово Адам пускал только избранных. С самыми близкими друзьями ему случалось засиживаться дома до утра, углубившись в обсуждения, воспоминания и даже мечтания. Увы, с каждым годом такие встречи происходили всё реже и реже. Друзья становились старше, серьёзнее, трезвее и скучнее. Как любил с улыбкой повторять Адам: «Не жизнь такая, мы такие!»

Появлялись в квартире Адама и женщины. Отношения

с противоположным полом складывались у него сложно. Вероятной причиной тому было его отношение к подругам, как к проблеме, как к чрезвычайно серьёзному, прямо таки фундаментальному делу. Ошибочно считая себя малопривлекательным в женских глазах субъектом, лет до тридцати пяти Адам откровенно побаивался милых дам, что не могло ни сказаться на образе его жизни. Ближе к сорока он неожиданно обнаружил, что пользуется успехом у женщин. «Самостоятельные и холостые мужчины в моём возрасте – редкость, вызывающая повышенный интерес», – удивляясь своему открытию, размышлял Адам. Отчасти он был прав, но лишь отчасти. За несколько лет зрелости скромный бухгалтер пережил такие романтические истории, какие в молодые годы ему и не снились. Казалось бы, он не совершил никаких героических поступков, не слетал на Марс, не стал ни биткойновым миллиардером, ни личным другом дяди Вовы, даже пластическую операцию себе не сделал, а женщины принялись осаждать его с настойчивостью, достойной лучшего применения. Словно сговорившись, они поджидали Адама за каждым углом.

В качестве характерного примера можно привести его «театральный роман». Стоило Адаму однажды выбраться в театр на спектакль любимого актёра, как к нему приклеилась одинокая театралка средних лет, весьма привлекательной наружностью. За бурным обсуждением совместно просмотренной драмы она довела его до дверей своей квар-

тиры, напоила кофе с коньяком, а через несколько часов накормила завтраком. У Адама сложилось впечатление, что поток театральной информации, гипертрофированных эмоций и высоких чувств прелестной эженичины продолжал изливаться на него без перерыва, чем бы они ни занимались. Нашему герою стало казаться, что экзальтированная дама перепутала его с широко известным в узких кругах актёром третьего плана, провинциальным режиссёром или писавшимся критиком. Но он не был завязтым театралом, и отношения с неожиданной поклонницей медленно угасли, несмотря на её сексуальную внешность и далеко идущие намерения. В свой милый дом театралку Адам, разумеется, не допустил.

Не имела возможности попасть туда сразу и молоденькая, близорукая девушка, после окончания института взятая на работу в бухгалтерию коммерческой фирмы, в качестве помощницы Адама. Очарованная умным, уверенным в себе шефом, она присохла к нему с первых же дней совместной работы, но он долго не замечал этого, пока не почувствовал на себе любопытствующие взгляды сотрудников и шушуканье за спиной. Оказалось, что за несмелыми потугами девушки обратить на себя внимание начальника давно наблюдают и тихо посмеиваются. Никто не верил, что она сможет перевоспитать старого холостяка, но вечно краснеющая в присутствии шефа помощница не отсут-

палась. Убедившись в правоте сослуживцев, обескураженный Адам начал присматриваться и обнаружил незамеченные им ранее достоинства подчинённой: стройную фигурку и симпатичное личико под очками. Умудрённый жизнью бухгалтер желал годившейся ему в дочери помощнице только добра и решительно не собирался пользоваться служебным положением. Однако время шло, а поведение девушки не менялось. Адам замечал, с какой непреклонностью его помощница отказывается от сближения с молодыми сотрудниками фирмы, несомненно, положившими на неё глаз, и однажды решил поговорить с ней начистоту.

Он не придумал ничего лучшего, чем остаться на работе в пятницу сверхурочно. Наш бухгалтер неторопливо приводил в порядок необязательные, неделями копившиеся дела, пока около восьми часов вечера в закрытую дверь его кабинета не постучали. «Может быть, сварить Вам кофе, Адам Христофорович?» – словно извиняясь, тонким голоском поинтересовалась помощница, даже не приоткрыв двери. Через четверть часа они пили кофе вдвоём. Ещё через несколько минут Адам начал произносить заранее заготовленный монолог. Не исключено, что он взялся за дело излишне круто, сразу заговорив о том, что не давал указаний помощнице оставаться с ним в бухгалтерии после окончания рабочего дня. Вполне спокойно и доброжелательно, по собственному мнению, Адам настаивал на том, что у молодой, привлекательной женщины наверняка имеются заня-

тия, гораздо более интересные и полезные, чем высисживание на рабочем месте без особой надобности. Вероятно, тон начальника оказался слишком строг. Одним словом, он добился того, чего не ожидал вовсе. Подобного слёзопода видеть Адаму прежде не доводилось. Остановить поток девичьих слёз не удалось ни в кабинете, ни в вызванной к офису машине такси. Помощница успокоилась только в своей маленькой уютной квартирке, покрывая поцелуями лицо и тело своего возлюбленного Адама Христофоровича...

Пробудившись утром, бухгалтер с удивлением обнаружил, что обитель его помощницы весьма напоминает логово самого Адама, с поправкой на возраст и половую принадлежность хозяйки. Абсолютно счастливая барышня буквально запеленала своего шефа заботой и лаской, наотрез отказавшись отпустить его из нежданного и нежного плена. Впрочем, он и не возражал.

Положив руку на сердце, Адам признавал, что никогда не встречал подобной женщины. Она не досаждала ему мелкими проблемами, рассудительно поддерживала разговоры почти на все интересующие его темы, разделяла вкусы мужчины во многих областях жизни от еды и развлечений, до искусства и прочих высоких материй. К тому же, при ближайшем рассмотрении и тактильном контакте, помощница оказалась без преувеличения очаровательной девушкой и неопытной, но изумительно нежной любовницей. Ко всему прочему, она ничего не требовала у своего шефа,

не рвалась познакомиться с его роднёй, друзьями и, что произвело на Адама большое впечатление, не стремилась попасть в его квартиру. Помощница предпочитала встречи у себя дома в те часы, когда у любимого начальника, а теперь и обожаемого любовника, появлялось время и желание. Впрочем, редкая возможность не расставаться с ним несколько дней подряд, вызывала у помощницы бухгалтера нескрываемую радость.

Их безоблачный роман длился более года, пока Адам серьёзно не задумался о будущем. Он понимал, что готов до бесконечности продолжать отношения с помощницей именно в том виде, в котором они существовали на данный момент времени. Однако такой подход к доброй и нежной, любящей девушке казался Адаму вопиющей несправедливостью. Он знал, что она мечтает родить и вырастить их общего ребёнка. Пусть помощница ни разу не заговаривала с ним об этом, Адам точно знал, чувствовал, но не мог сделать шаг навстречу прекрасному существу, которое объединило бы мужчину и женщину в одну семью. Почему? У него имелась тысяча отговорок по выводившей из равновесия теме: неготовность к обязанностям отца, недостаточно высокое материальное положение, сложившийся образ жизни, наконец. Наш герой долго не решался признаться в уже осознанном им факте, прямо сказать себе: «Я не люблю её так, как любит меня она!» Но однажды засевавшая в голове мысль терзала его, и Адам решил, что продолжать

пользоваться любовью девушки – значит, со временем превратить её жизнь в убогое существование. Он принял крайне неприятное для себя решение – сменить работу, но прежде убедить начальство в необходимости утвердить помощницу на занимаемую им должность. Адама услышали, с ним согласилось руководство, но не помощница. Однако именно в этот момент он почувствовал себя настоящим мужчиной: решительным и ответственным за свои слова и поступки человеком. На прямо высказанное ему горячее желание женщины сопровождать своего мужчину повсюду, куда бы ни забросила его судьба, Адам не стал придумывать несуществующие отговорки. Он приехал к ней в выходной день, посадил женщину на колени и мягко, искренне поделился с ней своими мыслями, не давая усомниться в серьёзности выстраданного им решения. К удивлению и радости Адама, в этот раз выяснение отношений обошлось без слёз. Неведомо, что творилось в душе его помощницы, но она приняла позицию мужчины и попросила только о том, чтобы он не пропадал из её жизни насовсем. Адам согласился, но порожек столь похожей на хозяйку, милой квартирке он более не переступал, ни разу.

Наш герой устроился на работу в солидное государственное учреждение на должность заместителя главного бухгалтера, своего давнего знакомого. Редкий случай, когда перемена далась Адаму без особого напряжения. Хорошо зна-

комые ему профессиональные обязанности, спокойная обстановка, приличная заработная плата, что ещё нужно для того, чтобы достойно встретить старость? Спутница жизни? Женщины продолжали расточать на него свои чары, некоторые даже появлялись в его логове на день-другой, но не более. Адам не искал в них изъяны, просто короткого знакомства оказывалось достаточно, чтобы понять: «Барышня, Вы прекрасны, но мне с Вами не по пути».

Лишь однажды за долгие годы его укололо в сердце остреее чувство влюблённости, но «дама сердца» боялась перемен больше самого Адама, и отношения закончились, едва начавшись. Несбывшиеся надежды он переживал остро, но недолго. Жизненный опыт позволяет контролировать безвыходные эмоции.

А жизнь продолжалась, дробясь на отрезки вынужденного и необходимого, и ускоряя бег времени. С возрастом начинает казаться, что в сутках осталось по восемнадцать часов, в неделе – не более четырёх дней, в месяце около трёх недель, а в году – от силы девять месяцев. Не доставлявшая былого удовлетворения, работа стала вынужденной частью жизни, наравне со сном и прочими потребностями человеческого организма. Но имела и необходимая часть, без которой жизнь Адама потеряла бы смысл. Помимо общения с дорогими и милыми его сердцу людьми, в этой части присутствовало творчество, с каждым годом приобретающее для нашего героя всё большее и большее значение.

Возможно, кому-то покажется удивительным тот факт, что у бухгалтера имелось серьёзное увлечение, а может быть, полнокровная вторая жизнь, в которой он был художником».

– На сегодня, пожалуй, достаточно, — устало проговорил Писатель. Несмотря на паузы, необходимые для отдыха, еды и медицинских процедур, к вечеру он утомился.

– Да-да, конечно! – воскликнула его сиделка. — Но, быть может, Вы ответите на накопившиеся у меня вопросы?

– Конечно. Особенно, если ты позволишь мне выпить немного чая с лимоном, – улыбнулся он...

– Во-первых, хочу сразу сказать, что весьма удивлена темой Вашего рассказа. Жизнеописание бухгалтера? Как это на Вас не похоже! Но я заинтригована и жду продолжения работы, – заговорила Юлия, когда её подопечный утолил жажду чаем, а она влила в себя очередную порцию крепкого кофе. – Во-вторых, если Вам захотелось назвать главного героя Адамом, то почему бы не дать имя «Ева» его помощнице, которой Вы уделили повышенное внимание? Иначе получается, что у Вас есть только Адам, да ещё и Христофорович, а вокруг него сплошь безымянные люди. Ну и, наконец...

– Подожди-подожди, Юленька! Дай мне ответить на первые вопросы, – хмыкнул Писатель. – По-моему, ты торо-

пишьяся судить о рассказе целиком, услышав лишь начало повествования. Если обсуждение моего замысла и имеет смысл, то ближе к завершению его реализации. То же и с Евой нашего Адама. Откуда ты знаешь, что её появление не ждёт нас впереди? А безумные люди... Когда идёшь по улице или спускаешься в метро, например, вокруг тебя оказывается множество людей, имён которых ты не знаешь. Но это не мешает с интересом наблюдать за ними, подмечать любопытные детали их поведения, да и просто улыбаться людям, делясь с ними теплом, хорошим настроением...

– Как Вы это вкусно рассказываете, мой Адам! Вы правы, а я не увидела Вашу задумку в таком ракурсе, – вздохнула Юлия и дотронулась тонкими пальчиками до руки больного: – Но почему Вы так уверены в приближении приступа болезни? Начало нашей работы воодушевляет, и завтра можно было бы...

– Praemonitus praemunitus¹, – пожав плечами, произнёс Писатель и добавил: – Как любой человек, я могу ошибаться...

Он не ошибся. Ночью болезнь навалилась на Писателя слепой, нарастающей, безжалостной силой. Больше суток его сознание металось от мучительной боли к полному забытию и обратно. Ещё двое суток он медленно приходил в себя после приступа, не понимая, что и кто находится рядом. Одна-

---

¹ Кто предупреждён, тот вооружён (перевод с латыни)

ко первым человеком, присутствие которого Писатель ощутил, когда сознание стало постепенно возвращаться к нему, оказалась Юлия.

– Здравствуй, Ева! – прошептал он, преодолевая сопротивление пересохшей гортани. – Сейчас утро?

– Раннее утро, мой Адам! Здравствуй! – тихо ответила сиделка. В её голосе удивительным образом сочетались радость от «пробуждения» больного с тревожными переживаниями последних дней: – Вы напугали меня...

– Прости. Что тут у нас... нового?..

Юлия осторожно умывала своего подопечного, поила его через трубочку и рассказывала. Оказалось, что её почти не пускали к Писателю в период обострения болезни. Ева прорывалась в палату всеми правдами и неправдами, чтобы дотронуться до руки своего Адама или прикоснуться губами к его горячему лбу. Памятуя о договорённости с Писателем, она перечитывала попавший в её руки черновик окончания его «большой книги», делая пометки, касающиеся последующей редакции.

– И много пометок получилось? – улыбнулся он.

– Сущие пустяки! – улыбнулась в ответ Юля. – Если у Вас будут силы и желание, закроем все вопросы за несколько дней. Сейчас текст вычитывает корректор в издательстве.

– Какой корректор? Какое издательство? – ахнул Писатель.

– Не ругайтесь за мою инициативу, пожалуйста! Всё про-

исходит под моим контролем, и без Вашего разрешение исправлять и копировать книгу никто не станет. Но, если у Вас не будет возражений, через неделю после окончательного согласования текста мы получим пилотные экземпляры из типографии...

Не скрывая своего изумления, Писатель выяснял, что его рукопись готовится к печати в издательстве, которое является основным местом работы Юлии и собственностью её отца. Сиделка горячо доказывала своему подопечному, что книгу нужно срочно издавать, и она готова сделать для этого всё возможное и невозможное. Юля рассказывала о шрифте и формате; о том, как будет выглядеть обложка; о способах продвижения и распространения; даже о тираже печатного издания. Когда она заговорила о договоре с издательством, Писатель прервал поток нахлынувшей на него информации.

– Постой, Юленька, я сейчас не в силах воспринять и переработать столько новостей одновременно. Разумеется, мне и в голову не приходит отказываться от твоего предложения, хотя оно для меня – полнейшая неожиданность. Диктовать продолжение нашего с тобой нового рассказа я пока не в состоянии, поэтому завтра мы пройдемся по тексту книги, готовящейся к печати, обсудим детали, а сейчас позволь мне отдохнуть немного. Здесь имеется возможность послушать музыку, негромко?

– Конечно! – столь радостно откликнулась Юлия, что Пи-

сателю ничего не оставалась, как снова поверить в искренность удивительной сиделки, помощницы и поклонницы его таланта.

Через пару десятков минут в больничной палате появился компактный музыкальный центр, Юля присела на край кровати у подушки больного, положила руку на его плечо и нажала на кнопку пульта дистанционного управления. Услышав первые, негромкие звуки музыки, Писатель сильно вздрогнул и пробормотал: «Воистину, ты – мой чудный ангел!» Из колонок звучал «Pink Floyd», «Wish you were here»^{*2}. Радуюсь, угаданному ей репертуару, Юлия поцеловала больного в щёку и ласково провела ладонью по его голове. Писатель прислонился к женскому плечу и затих...

Вечером сиделка сообщила своему подопечному о телефонных звонках, звучавших во время его «отсутствия». Он внимательно выслушал Юлю и спокойно ответил: «Думаю, у меня хватит сил кратко переговорить по телефону с друзьями и родственниками. Так ты говоришь, что дочь и жена интересовались, когда меня можно навестить? Сомневаюсь, что выгляжу презентабельно, но лучше я теперь буду выглядеть только в... В общем, буду! А встретиться надо. Пусть приезжают, но только не завтра. Через день, наверное. Короче, я с ними созвонюсь и договорюсь о встрече».

Следующие сутки пролетели молниеносно. Писатель вы-

---

² Композиция из одноимённого альбома английской группы «Pink Floyd»

глядел и чувствовал себя гораздо лучше, и большую часть дня они с Юлией работали над подготовкой к печати второй части «большой книги».

Наступил день, который он обозначил, как «присутственный». Правда, в первой половине дня Писатель со своей добровольной помощницей продолжил заниматься редактурой, но около четырёх часов пополудни к нему пришла первая посетительница. Свежеумытый и причёсанный больной дал своей сиделке несколько ценных указаний, удобно откинувшись на приподнятую в изголовье кровать и сообщил о готовности к встрече.

– Здравствуй, папа! – немного неестественным голосом произнесла вошедшая к нему посетительница. – Как ты себя чувствуешь?

– Здравствуй, дочка! – воскликнул Писатель, отвечая на поцелуй дочери, предложил ей присесть рядом и со смехом произнёс: – Чувствую себя лучше всех, как видишь!

– Папа! – укоризненно воскликнула дочь. – Ты можешь хотя бы иногда обходиться без шуточек?

– Ну, нет. Если я перестал шутить, значит – я умер! – не унимался он, но почувствовав, что дочка начинает закипать, сменил тон разговора: – Всё-всё, бесить тебя не входит в мои планы. С другой стороны, шутки подтверждают хорошее настроение твоего отца, а значит, служат ответом на твой вопрос о самочувствии. Но хватит об этом. Как ты

понимаешь, в моей жизни не происходит ничего интересно-го, лучше расскажи о себе.

Дочь Писателя не стала настаивать на беседе о здоровье отца и принялась говорить о своих делах. Он внимательно слушал, кивал, изредка вставляя краткие доброжелательные комментарии. Однако у Юлии, присутствовавшей в палате по просьбе больного, появились сомнения, так ли интересен её подопечному монолог о состоявшихся и запланированных заграничных поездках дочери, о её работе и жизни с мужем, о новых западных фильмах, которые отец не мог посмотреть при всём желании. Кажется, и дочь почувствовала неуместность тематики, перевела разговор на музыку и даже пообещала папе привезти карту памяти с подборкой интересных новинок и любимых старых композиций. К сожалению, вскоре её снова потянуло на тематику превосходства англо-саксонской цивилизации во всех сферах, а именно: в уровне жизни, образовательных программах, здравоохранении, кинематографе, музыке и даже в литературе. Последнее заявление едва не довело Писателя до бешенства, но он сдержался и лишь посоветовал дочери переменить тему.

– Конечно, – легко согласилась она и неожиданно произнесла: – А знаешь, мама хочет забрать тебя отсюда, говорит, что в домашней обстановке тебе будет лучше.

– Мама хочет забрать меня к себе домой? – изумился Писатель. – Понятия не имею, где мне лучше. Это вопрос спор-

ный, но жить в одной квартире с больным человеком несладко. Зачем ей это надо?

– Не знаю, папа. Вероятно, вам лучше поговорить об этом наедине. Мама в коридоре ждёт возможности увидеться с тобой.

– Увидеться? Ну, что же... Минут через десять Юлия пригласит её, – медленно и тихо, словно размышляя, проговорил Писатель, и тут его неожиданно понесло: – Очень жаль, что ты не привезла с собой моих внучек! Разумеется, я понимаю, что медицинское учреждение – не слишком подходящее место для маленьких девочек. Но иногда так хочется обнять их, прижать к себе, погладить по головкам. Старому, больному деду страшно не хватает тепла этих чудесных, ангельских созданий. Нет-нет, конечно, ты права, детей не следует травмировать несовершенством бытия. Прости моё старческое брюзжание...

– Папа, что ты такое говоришь?! – после длительной паузы, тяжёлым тёмным облаком повисшей в больничной палате, ошарашено произнесла дочь Писателя, ещё не успевшая обзавестись потомством, да и не стремившаяся к этому. Едва не опрокинув стул, она вскочила с места, неуклюже поцеловала отца в свежевыбритую щёку и ринулась на выход, произнося на ходу: – Ты держись, пожалуйста. Я буду тебе звонить...

– Что это было, мой невозможный Адам? Я не ожидала

от Вас подобной выходки! – горячим шёпотом произнесла Юлия, ласково ткнулась губами в нос Писателя и принялась поправлять постель. – Чувствую, что Вам страшно хочется курить, но сейчас нельзя. Жена зайдёт, ощутит запах табака и... нам обоим не поздоровится...

– Знаю-знаю! Скорее всего, она не осудит, но может совершенно случайно произнести что-нибудь лишнее при враче. А дочь... – заговорил больной и запнулся, задумался и продолжил только после паузы: – Видишь ли, мой добрый ангел, есть вещи, которые ей могу сказать только я. Не следует думать, что мною движет недовольство, природная грубость или, упаси Господи, злость. Я очень люблю свою дочку, и она чувствует это, поверь! Но существуют некоторые человеческие недостатки, которые люди пытаются объяснить сложно и многословно, как философскую концепцию, не замечая, что смысл проще пареной репы. Возьмем, к примеру, эгоизм. Я сам – эгоист, и меньше всего хотел бы, чтобы дети мои были эгоистами, но... буду любить их любыми. Баста очень хорошо написал и спел:

«Когда меня не станет, я буду петь голосами
Моих детей и голосами их детей.
Нас просто меняют местами.
Таков закон сансары: круговорот людей».³

---

³ В. М. Вакуленко (Баста) «Сансара»

Юлия снова чмокнула Писателя в нос и вышла в коридор за его женой, точно зная, что впереди ожидается ещё одно представление.

Оно и началось сразу, без раскочки, стоило женщинам переступить порог палаты, а двери захлопнуться за их спинами. Писатель повернул голову в сторону вошедшей жены, широко улыбнулся и с чувством произнёс:

– Ты восхитительно выглядишь, дорогая! Я всегда говорил, что короткие стрижки тебе к лицу. Твой нынешний имидж – прекрасное тому подтверждение!

– Здравствуй, дорогой! – глухо произнесла она, застыв на полпути к больничной койке мужа. – Но я не понимаю! К тебе вернулось зрение?!

– А кто тебе сказал, что оно от меня уходило? Врачи?! Но ты же прекрасно знаешь, что они ничегошеньки не понимают в болезнях! К тому же, наши доктора – безобразные перестраховщики. Сильно сомневаюсь, а болен ли я вообще? Моё самочувствие улучшается день ото дня, восстановление оптимального состояния и работоспособности идут полным ходом благодаря усилиям моей несравненной сиделки Юлии. Я с удовольствием работаю и почти не устаю. Юля может подтвердить, что мне удаётся совмещать редакторские правки ранее написанного текста с реализацией новой задумки.

– Это правда? – недоверчиво спросила у сиделки жена Пи-

сателя.

– Да, так оно и есть, мой подопечный рвётся работать, – честно ответила Юлия.

– Кстати, Юленька, покажи жене договор с издательством, – Писателю надоело крутить головой по сторонам, он откинулся на подушки и уставился в потолок...

– Что это такое? – удивлённо поинтересовалась жена, ознакомившись с документом. – Я вижу здесь перечень твоих книг для переиздания, а также соглашение о публикации недавно законченных и даже ещё не написанных. Да и суммы здесь обозначены совсем не скромные!

– Видишь ли, дорогая, слава и гонорары приходят ко мне слишком поздно. Я уже не нуждаюсь в них. Для меня имеет ценность лишь ухваченная за хвост мысль, подслушанное у Бога и перенесённое на бумагу слово, красота и стройность текста, словно музыка, гармонизирующая хаос. Деньги? Ну да, их ещё никто не отменял. Но пока я жив, значительную часть своих гонораров буду перечислять тебе. Этого нет в договоре, но в денежных вопросах я никогда тебя не обманывал, не правда ли? А после моей смерти половина доходов от использования моих книг будет выплачиваться тебе и детям официально.

– А вторая половина? – чисто автоматически поинтересовалась жена Писателя, ставя свою подпись на Договоре, как наследник автора.

– Вторая половина достанется Юлии.

– Юле? – ахнула гостя, с недоумением глядя на сиделку. –

Почему ей?!

– Потому, что Юлия – официальный и полномочный представитель издательства, хранитель моего авторского права и помощник в написании и редактировании моих текстов, – официально заявил Писатель и продолжил говорить, незаметно переменив тему и тщательно скрывая рвущуюся наружу улыбку: – Да и вообще, ты совершенно меня не слушаешь! Говорю же, что практически здоров и плодотворно работаю. Зачем ты хочешь забрать меня из этого райского места? Надеюсь, тебе удалось познакомиться с местным персоналом? Ты видишь, какие здесь работают девушки? Одной внешностью своей они могут поднять на ноги тяжелобольных мужчин! Например, я слышал от врачей историю о парализованном пациенте. Доктора считали, что остаток жизни все его конечности будут неподвижны, но на поверку-то оказалось, что не все! Вот какой персонал работает в нашем медицинском учреждении! Но лучшая из лучших – моя рыжая толстуха!

– Кого это ты назвал рыжей толстухой? – не поняла жена Писателя.

– Что значит «кого»? – грозно произнёс больной и повёл рукой в сторону сиделки: – Моя несравненная Юлия, разумеется! Она, несомненно, прекраснее, толще и рыжее всех на свете!..

– Так-так. А я-то не поняла нашу дочь, которая утверждает, что её папа сошёл с ума, – набирая темп и громкость голоса, заговорила жена. Она уставилась на давящуюся от беззвучного смеха сиделку, затем перевела взгляд на улыбающегося во весь рот мужа и возмутилась: – Я тебе почти поверила, а ты, оказывается, всё это время потешаешься надо мной вместе со своей рыжей толстухой! Как не стыдно вводить в заблуждение пожилую женщину...

Через секунду все трое смеялись в голос, до слёз. Продолжая фыркать от накатывающих волн веселящего газа шуточек Писателя, Юлия соорудила по чашке кофе посетительнице и себе. Больной ограничился несколькими глотками чая, после чего снова заговорил, обращаясь к жене:

– Ты не совсем права, дорогая! К сожалению, неспроста я здесь лежу, расходуя добытые потом и кровью налоговой службы деньги налогоплательщиков. Слепота? Имеется такое недоразумение. Впрочем, как я теперь понимаю, это естественное состояние доброй половины человечества. Но продолжающаяся работа, договор с издательством, и даже Юлия – всё настоящее.

– Невероятно! – хихикнула жена, и он почувствовал тёплое прикосновение её прохладной руки к своей груди. – Но как ты умудрился лично подписать договор? На ощупь?

– Именно так! – заулыбался Писатель. – Конечно, пришлось немного потренироваться... Юля, будь добра, принеси лист бумаги и ручку, пожалуйста!

Необходимые для демонстрации предметы нашлись здесь же, в ящике небольшого письменного стола, стоящего в больничной палате. Писатель с удовольствием показывал, как правильно оставлять на бумаге автограф. Он придерживал нижний уголок стандартного листа пальцами левой руки, тем самым, контролируя расстояние между руками, а значит, точно попадал шариковой ручкой в то место, где требовалась именная подпись автора. Женщины улыбались. А нездоровый, но бодрящийся мужчина снова обратился к жене:

– Надеюсь, теперь ты видишь, дорогая, что обо мне беспокоиться не следует. Выбрось из головы мысли о том, насколько благотворно может сказаться на моём здоровье домашняя обстановка. Конечно, в твоей квартире есть уют и особая аура, зато здесь – всё необходимое для выживания и, как оказалось, для работы тоже. Я искренне ценю твою заботу, но, ей Богу, у тебя есть, кому адресовать её – нашим детям. Кстати, а как поживает наш сын?

– А он сам тебе всё расскажет! Наш сыночек дожидается в коридоре своей очереди.

– Вот как? – сумрачно произнёс Писатель, но почти сразу разгладил перечеркнутые лоб морщины: – Навалились на больного всей семьёй? Что же, доступ к телу открыт всем людям доброй воли! Мне требуется четверть часа передышки, после чего я буду готов приветствовать нашего мальчика...

Жена с сиделкой вышли в коридор, оставив больного наслаждаться несколькими минутами тишины в одиночестве. «Что я на них бурчу? Одной ногой в могиле, а всё мне неймётся, – размышлял он. – Видимо, так устроен человек: всегда ему что-то надо, всегда что-нибудь не так, как должно быть по его мнению. Но если хорошенько задуматься, ничего мне от них не нужно, кроме малой толики внимания, доброты и любви».

Вернулась Юлия и заявила, что они с женой Писателя немного посекретничали.

– Пусть вы и не вместе, но жена у Вас замечательно душевная, а Вы на неё дуетесь. Почему? – поинтересовалась сиделка. – Она так разговаривала со мной, будто я – Ваша женщина и, вместе с тем, её близкая подруга.

– Тебе это не понравилось?

– Честно? Очень понравилось! Только я такого не ожидала и, по-моему, краснела от смущения...

Вошедшему в палату сыну Писатель сразу протянул руку, но тот не ограничился рукопожатием. Сын обнял отца как-то по-особенному, словно боялся причинить ему боль, но стремился тесно прижаться к его телу и передать свою энергию, своё тепло.

– Здравствуй, папа! Я виноват перед тобой, – хрипло произнёс он и замолк.

– Шутишь? Это я перед тобой в долгу, – выдержав корот-

кую паузу, откликнулся Писатель и, несмотря на попытки молодого человека протестовать, пояснил свою мысль: – Да, я всегда старался помогать морально и материально, по мере возможностей. Но когда ты был малышом, твой отец редко бывал дома. Когда мой мальчик становился пацаном, подростком, юношей, меня не было рядом. И в те важные моменты твоей жизни, когда столь необходимо папино плечо, папина рука, я заезжал в гости на несколько часов раз в месяц. Как можно общаться с отцом, говорить по душам, если его приходится вечно ждать, а дождавшись, делить с сестрой и мамой? Ты даже не представляешь, до какой степени тебе повезло с мамой, сынок! Но случаются моменты, когда рядом нужен мужчина, отец...

– Я не предполагал услышать от тебя такие слова, папа, – тихо проговорил сын, и отцу показалось, что в его глазах стоят слёзы. – Удивительно, но я обвиняю себя ровно в тех же несовершенных поступках, о которых говоришь ты. Не буду вспоминать о детстве. Но я вырос, отслужил в армии. У меня появилась потребность общаться с тобой, как мужчина с женщиной, на равных. Да и не в равенстве дело. Я не мог знать многого из того, что знаешь ты, и мне хотелось спрашивать, и выслушивать твои ответы, но...

– Знаешь, с того печального дня, когда не стало твоего деда, моего отца, и до сих пор меня мучает недосказанность, невозможность говорить с ним, – произнёс Писатель в повисшей над комнатой тишине. – У меня осталась тысяча во-

просов, которые с тех пор я не могу задать папе при всём желании.

– Но я-то могу! – воскликнул сын и покосился на сидящую в уголке Юлию. Она опустила взгляд в стоящий на столике ноутбук и старательно делала вид, что не слышит мужского разговора. Молодой человек заговорил эмоционально и откровенно: – Я мог искренне общаться с тобой долгие годы, но сначала меня останавливали детские обиды, а затем мне показалось, что тебе этого не нужно. Сейчас-то понимаю, что был не прав, но тогда мне казалось, что наши поколения так далеки друг от друга, как современный человек от неандертальца.

– Забавно! – с неподдельным радушием рассмеялся отец. – И, всё-таки, тебе сейчас немного легче со мной, чем мне с твоим дедом. Мало того, что он покинул нас, но и не оставил записок, дневников, мемуаров. Есть только его фотографии, фотографии близких родственников и друзей с короткими комментариями твоего деда. А ты пока ещё можешь говорить со мной, да ещё и почитать кое-что...

– Я так и делаю, папа! – воскликнул сын. – Собственно, мне давно следовало прочитать твои книги...

– Труды неандертальца? – хохотнул отец.

– Вот именно, – засмеялся его повзрослевший потомок, – о чём-то подобном я и думал, но медлил, пока мне не дали пинка, причём, весьма неожиданно!

– Кто посмел?

В ответ сын начал неторопливый и подробный рассказ. Оказалось, что около полугода назад он познакомился с девушкой, понравившейся ему чрезвычайно, то есть до такой степени, что расставания казались невыносимыми. Для Писателя, хорошо знавшего о склонности сына к домоседству, история казалась неправдоподобной, но она, как ни странно, соответствовала действительности. Влюблённые сближались и узнавали друг друга со скоростью взаимного притяжения. И вот однажды, впервые услышав фамилию своего кавалера, девушка заинтересовалась: а не состоит ли он в родстве с писателем, чья литература не оставляла её равнодушной? Категорически не желавшему начинать отношения со лжи, молодому человеку пришлось сознаться в том, что упомянутый возлюбленной подругой писатель – его отец, а сам он, к нескрываемому стыду, не прочитал и сотни страниц папиной литературы. Девушка встретила его признания с непониманием и смехом, а ему срочно потребовалось прочитать книги отца, чтобы понять, что же особенного она в них нашла.

– Признаюсь тебе честно, что на первых порах чтение давалось мне с трудом, – вздохнул сын, – но вскоре я, как-то незаметно для себя, зачитался, а результат превзошёл все мои ожидания. Жизнь предстала в новом, неизвестном мне свете и ракурсе. Моё отношение к тебе, моему отцу, претерпело значительные изменения, стало глубже, тоньше. И, благодаря тебе, я гораздо лучше узнал свою девушку...

– Надеюсь, после прочтения моих книг, ты с ней не расстался? – с видимым удовольствием пошутил Писатель.

– Ты хорошо лежишь, папа? – сын ответил не только вопросом на вопрос, но и шуткой на шутку, и только после этого воодушевлённо произнёс: – Позавчера мы подали заявление. Жить будем отдельно от родителей, справимся сами. Мама об этом ещё не знает.

– Знаешь, сынок, – воодушевлённо воскликнул больной, – она обрадуется! Конечно, ей непросто будет перестраивать свою жизнь, но твоя замечательная мама от всего сердца желает тебе счастья, так же, как и я.

– Спасибо! – растроганно и смущённо произнёс новоявленный жених. – Но у меня есть ещё кое-что для вас с мамой. Моя невеста беременна...

– Что?! – охнул и подскочил на постели Писатель.

– Через три с половиной месяца у нас родится девочка, и вы с мамой станете дедушкой и бабушкой...

Прежде, чем покинуть медицинское учреждение, самые близкие родственники Писателя зашли в его палату втроём. А он сначала подозвал дочь, извинился за свою выходку. И она обнимала его, целовала родное отцовское лицо, незрячие глаза, оставляя за собой капельки солёной росы...

«Конечно, мы нередко расходимся во мнениях, и дело не в разнице в возрасте, а в том, что каждый из нас – личность с собственным мировоззрением, своими жизненными

приоритетами, личным опытом и уникальной памятью, – говорил Писатель. – В моей памяти, например, живёт маленькая девочка – моя дочка, которую до сих пор безумно хочется усадить себе на колени и нежно гладить по головке. Есть там и совсем маленький мальчик с непостижимым, вопрошительным взглядом – сынок, которого хочется обнять, прижать к себе и не отпускать ни на шаг. В памяти сохранено многое, у каждого – своё, и это не может быть причиной разногласий, если люди любят друг друга. Я люблю вас! Остальное не имеет значения...»

– Теперь можно и сигарету, – тихо и вкрадчиво произнесла Юлия, оставшись наедине со своим подопечным. На его лице сейчас отражалась внутренняя борьба, сути которой молодая женщина понять не могла. Она поняла бы неестественную, театральную улыбку или хмурую отстранённость. Она приняла бы сейчас даже мужские слёзы, но лицо Писателя отражало бурю человеческих чувств, где радость соседствовала с болью. Юлия не выдержала и почти выкрикнула: – Ну, хочешь, я принесу водки? Что мне сделать, чтобы успокоить тебя хотя бы чуть-чуть?!

– А ты уже сделала! – шумно выдохнул Писатель и лицо его разгладилось.

– Что сделала? – не поняла сиделка.

– Ты начала обращаться ко мне на «ты».

– И только-то? И ни в чём другом нет необходимости?

– Необходимости нет, – улыбнулся он, – но сто граммов виски и сигарета, нет, всё-таки две сигареты не помешают. Есть и ещё кое-что, но это не сегодня...

Через четверть часа Писатель с удовольствием затягивался сигаретой и крошечными глотками пил «Red Label». Жаль только, льда у сиделки он не допросился, но подобная мелочь не могла принести серьёзного огорчения. Юля не мешала его наслаждению. Она следила, чтобы сигаретный пепел не упал на постель, но в большей степени просто наблюдала за мужчиной и понимала, что он перестал быть для неё только удивительным Писателем. Перед ней находился непостижимый мужчина, сущность которого сегодня лишь немного приоткрылась для неё.

– Ты устал, Адам, – прошептала Юлия, когда виски и первая сигарета у него закончились, а вторую он так и не попросил.

– Это правда, Ева, – негромко ответил он. – Не сочти за дерзость, но больше всего на свете я сейчас хочу...

– Уснуть на моём плече, – неожиданно воскликнула она и сама поразилась, что её Адам утвердительно кивнул, ничуть не удивившись прозорливости и смелости сиделки.

Юлия осторожно забралась на больничную кровать слева от своего подопечного и положила голову на краешек его подушки. Писатель уютно пристроился на её плече, вытянул левую руку вдоль женского тела, а правой... даже не попытался дотронуться до груди своей Евы, а мягко опустил ла-

донь на пару сантиметров ниже. Через пять минут больной крепко спал. Юлия выждала ещё несколько минут, осторожно высвободилась из объятий спящего мужчины, поцеловала его в губы, поднялась с кровати и уселась за ноутбук, чтобы поработать над текстами Писателя до прихода ночной сиделки.

Наутро, войдя в палату своего, уже бодрствующего подопечного, Юля сразу же повторила вчерашний поцелуй, спровоцировав мужчину на весёлое восклицание: «О! Моей женщине (по версии жены) можно всё!» Сиделка не ответила, а лишь уверенно кивнула и небрежно пожала плечами. При этом она ощутила кожей своей, что Писатель непостижимым образом уловил её жесты, подтверждением чему послужил его радостный смех.

Сегодня, по плану, предстояла работа над новым рассказом Писателя. «На чём мы остановились, Ева?» – поинтересовался он. Она продекламировала с выражением:

«Возможно, кому-то покажется удивительным тот факт, что у бухгалтера имелось серьёзное увлечение, а может быть, полнокровная вторая жизнь, в которой он был художником».

Писатель кивнул: «Ну, что же, продолжим наше повествование». Он глубоко выдохнул и принялся диктовать с во-

Одушевлением:

«С детских лет Адам мучился комплексом отсутствия талантов. Практически каждый из его сверстников отличался какой-либо выдающейся способностью. Один успешно занимался музыкой, играл на скрипке и фортепиано. Другой прослыл талантливym шахматистом, новым Михаилом Талем⁴. Третий бегал на длинные дистанции, как Лассе Вирен⁵. Четвёртый обыгрывал в карты всех подряд, в том числе и дворовых парней на три года старше себя, за что они время от времени награждали его тумаками. Пятый был красив до такой степени, что когда хватал девчонок за ягодицы, они отвечали ему улыбками вместо пощёчин. Ничем подобным Адам похвастаться не мог. Он неплохо играл в футбол и хоккей, разбирался во многих видах спорта, но это не считалось признаком гениальности.

Нашему бухгалтеру было уже за тридцать, когда ему приснился странный и очень яркий сон. Во сне он рисовал натюрморт! Учитывая, что у Адама отродясь не бывало подобных талантов, он удивился и никак не отреагировал на сновидение. Однако через неделю оно повторилось, с той лишь разницей, что на холсте золотился осенний пейзаж. Решив не выжидать ещё неделю, Адам схватил чистый лист бумаги, первый попавший под руку карандаш и принял-

---

⁴ Советский гроссмейстер, восьмой чемпион мира по шахматам

⁵ Финский стайер, четырёхкратный олимпийский чемпион

ся, не задумываясь, наносить на бумагу линии. Результат получасового бумагомарания привёл его в изумление: изображение на листе в точности повторяло рисунок из первого сна, не хватало лишь многоцветия красок. Ничтоже сумняшися, Адам зачем-то купил набор фломастеров и попробовал рисовать ими. На следующий день он выбросил фломастеры и купил цветные карандаши, но результат снова не удовлетворил новоявленного художника. Покупка мольберта, холста, кисточек и масляных красок пробила солидную брешь в его бюджете и выглядела суицидом сумасшествием, учитывая, что Адам понятия не имел о технике работы маслом. Но он смешивал краски и рисовал по наитию, и у него таки получился пейзаж из второго сна.

С замиранием сердца бухгалтер ждал третьего еженедельного сновидения, и оно пришло к нему. Во сне Адам рисовал целых три портрета. На каждом было одно и то же женское лицо, выполненное графикой, маслом и пастелью. Подобные сновидения никогда более не повторялись, но он уже поверил в чудо свалившегося на него дара. Впоследствии знающие люди говорили Адаму, что у него чудесно получаются натюрморты, но они ему быстро наскучили. Правда, в логове Адама висела вершина его творчества в этом жанре – полотно с изображением срезанной острым ножом половинки апельсина на фиолетовом блюде. Картина приводила знатоков в замешательство. А наш бухгалтер сосредоточился на пейзажах и портретах. Однако для пей-

зажа ему требовалась натура, поражающая воображение, а вот портреты он с лёгкостью рисовал и по памяти. Замечательная особенность восприятия Адамом человеческих лиц заключалась в том, что он почти никогда не помнил их деталей. Его память хранила размытый образ, ассоциативный ряд, но на портрете единожды виденный автором, но заинтересовавший его человек выглядел, как живой. Подобными фокусами Адам приводил некоторых своих знакомых в священный трепет».

В послеобеденное время Юлия снова уговорила своего подопечного отправиться на прогулку. Тёплое солнце заливало больничный скверик, и закутанный в плед Писатель поднимал к нему лицо и улыбался. Он точно знал, что улыбается и облачённая в короткий медицинский халатик сиделка, везущая больного на кресле-каталке, и что отдыхающие в скверике больные со своими родственниками оборачиваются на них. Юлия воочию видела то, что чувствовал Писатель и думала: «Видимо, в невесёлых условиях медицинского учреждения людям непривычно видеть улыбающиеся лица». А ещё она неожиданно осознала, что счастлива. Скажи кто-то пару месяцев назад, что ей захочется попробовать себя в роли сиделки больного, ослепшего мужчины, а затем испытывать солнечные ощущения не только от работы с ним, но и просто от его присутствия рядом, она бы многозначительно покрутила пальцем у виска. Но в реальности именно

так и происходило, и эта реальность казалась прекрасной, несмотря ни на что. Юлия-Ева отвезла своего Адама в дальний уголок сквера, присела на скамейку, удобно расположила кресло рядом с собой и позволила Писателю выкурить сигарету на свежем воздухе. Был ли в эту минуту счастлив он? Несомненно. Нынче Писатель радовался каждому дню, прожитому без боли, а такому погожему дню тем более. Он испытывал полное умиротворение от того, что сложные семейные отношения чудесным образом наладились и вызывали не тревогу и сомнение, а тепло и радость. Но ещё, благодаря ангелу, посланному Провидением, он мог работать и надеяться вовремя завершить старые задумки и написать что-то новое, ещё неизвестное и вызывающее приятное, будоражащее ощущение полноты жизни. Его переполняла благодарность к чуткой и внимательной сиделке, нежность и особое влечение к женщине, которую Писатель не видел ни разу в жизни, но неведомым образом ощущал шестым, седьмым и всеми другими своими чувствами.

Немного нехвата в тишине скверика раздался резкий звук звонка мобильного Писателя, давно перешедшего под неусыпный контроль Юлии. Звонил друг, разговор с которым можно было отложить на потом, но Писатель был так благодушно настроен, что позволил себе некоторое время выслушивать свежие спортивные новости и даже согласился принять старого друга с визитом на следующий день. Юля наблюдала за своим подопечным, слушала легкомысленный

телефонный разговор и снова поражалась, что между произносимыми словами, в мимике лица Писателя и в жестах его рук она читает нечто большее, что могут понять другие люди.

– Тебе же не особенно желателен визит приятеля, мой Адам? – склонившись к лицу мужчины и целуя его щёку, тихо произнесла она.

– И ты снова права, моя Ева! – улыбнулся он, передавая сиделке телефон. – Мне жаль терять наше с тобой время, но нельзя обижать людей, идущих к тебе навстречу с открытым сердцем.

После благотворно действующего на больного свежего воздуха и солнечных лучей, как и после прогулки недельной давности, Юлия поставила Писателя на ноги и упросила принять душ. Только в прошлый раз она относилась к нему иначе, а сейчас не смогла сдержать свои эмоции. После мытья, выключив поток воды, сиделка накинула полотенце на голову мужчины, обняла его мокрое тело и прижала свои губы к его губам. Писатель замер от неожиданности всего на одно мгновение. Он не ждал этого поцелуя, но постарался продлить его, как можно дольше...

– Ты сошла с ума, моя Ева! – негромко воскликнул Писатель, уже лёжа на своей больничной кровати.

– Да, мой Адам! – подтвердила она. – Ну и пусть!

– Послушай, Ева, я сам люблю пошутить, но иногда шутки

неуместны. Мне очень приятно ощущать присутствие СВОЕЙ женщины рядом, но ты отдаёшь себе отчёт в том, что перед тобой, пусть и заинтересовавший тебя, но больной старик?

– Очень прошу, не носи вздор, пожалуйста! – возмутилась Юлия и принялась резать по живому: – Да, ты не здоров, но не настолько стар, насколько пытаешь убедить меня в этом. Да, твоя болезнь съедает тебя, и её почти невозможно победить. Но я клянусь, что всеми правдами и неправдами буду продлевать твою жизнь, пока это возможно! Не овощную жизнь, мой Адам, а человеческую, позволяющую думать, творить, общаться с людьми и обнимать твою Еву, если она мила тебе. Последнее, если верить врачу, может принести только пользу.

– Ты обсуждала с врачом подобные нюансы?! – фыркнул Писатель и, не удержавшись, рассмеялся: – Представляю его физиономию!

– Да, – хмыкнула Юля и звонко засмеялась в ответ: – Он посмотрел на меня, как на полоумную кошку! Но чрезвычайно серьёзно и важно заявил, что в период ремиссии моему подопечному рекомендованы любые мероприятия, повышающие бодрость и тонус организма, но не ведущие к переутомлению. Кстати, врач разрешил мне находиться с тобой круглосуточно!

– Не вздумай, милая! – ахнул Писатель. – Я бесконечно благодарен тебе за всё, что ты для меня делаешь, но у тебя

есть собственная жизнь, да и отдыхать моему чудесному ангелу необходимо...

– Как тебе не совестно всё понимать и при этом говорить мне такие глупости, дорогой мой Адам! Сейчас моя жизнь – это ты и наша с тобой работа, сотворчество. Поэтому сегодня меня, как обычно, сменит ночная сиделка, а завтра в твоей палате поставят дополнительную кушетку для постоянной дежурной, и я останусь...

– У меня нет слов, Ева! Возражать с моей стороны просто глупо. А работать сегодня мы будем?..

«Открывшийся дар захватил бухгалтера, и он уделял живописи и рисованию большую часть свободного времени, включая выходные и отпускные дни. По прошествии недель и месяцев Адам Христофорович упорядочил своё творчество и занимался им только тогда, когда чувствовал необходимость выразить на бумаге или холсте свои чувства и нахлынувшие эмоции. Такой подход выглядел естественным, поскольку бухгалтер не мнил себя гением и, уж тем более, не рвался стать профессионалом, занимающимся искусством ради заработка. Поклонниками его таланта по большей части становились друзья, родственники и некоторые знакомые, допущенные в логово Адама, где копилась его работы. Часть из них он раздаривал, но важные для себя рисунки и полотна бережно хранил.

Именно они стали новой связующей нитью между бух-

галтером и оставленной им бывшей помощницей. Адам, как уже было сказано, не переступал порога её жилища, но не запрещал ей изредка звонить себе по телефону. Ещё реже, раз в несколько месяцев, они встречались в каком-нибудь уютном кафе или ресторанчике, а в хорошую погоду прогуливались по паркам или улицам города. Адам не скрывал, что, несмотря на расставание, он не стал относиться к своей недавней подруге, как к чужой женщине. Она же не скрывала от него вообще ничего, кроме своих чувств. Однажды их встречи прервались почти на год, да и звонки почти прекратились по уважительной причине. Бывшая помощница бухгалтера познакомилась с молодым человеком и вышла за него замуж. Адам желал ей только счастья и предполагал, что семейная жизнь женщины окончательно уведёт её в сторону от его собственного пути. Он ошибся. Она появилась снова и во время первой после перерыва прогулки завела разговор об увлечении своего бывшего шефа. Удивлению Адама не было предела: прежде он никогда не заговаривал с ней об изобразительном искусстве. Однако неожиданная ситуация быстро прояснилась. Оказалось, что женщина наткнулась на его работы, знакомясь с фотографиями на сайте виртуальной галереи, которой владел и занимался старый знакомый Адама».

– Дорогой мой Писатель, – не выдержала Юлия, – ну дай же ты, наконец, имя помощнице бухгалтера. Во-первых,

это облегчит текст. Но, самое главное, неужели она до сих пор не заслужила собственного имени?!

– Заслужила, – легко согласился он и улыбнулся: – Назовём её Тильдой.

– Тильда? Что за странность? – всплеснула руками Юля. – Насколько мне известно, существует красивое женское имя – Матильда. Но, по-моему, оно совершенно не подходит твоей помощнице бухгалтера.

– Разумеется, не подходит! Потому, что Матильда – мать Тильды, а значит, не может быть самой Тильдой!

– Ах, так! Ты издеваешься надо мной? – вскричала сиделка и кинулась к своему подопечному. Она «колотила» кулачками, едва касаясь груди больного, затем целовала его лицо и, только после этого, неожиданно заявила: – Ты – безобразник, мой Адам! Но если подруге твоего тёзки не подходит имя «Матильда», то почему ей не быть Тильдой или Ильдой? О, Господи, что я несу?!

Писатель мелко завибрировал от смеха и удовольствия, обнял свою Еву и принялся поглаживать её по голове, а затем и «рассматривать» её лицо ощупью. Обстановка категорически потеряла рабочий статус, что совсем не расстроило смешливую пару. Продолжение рассказа отложили до завтрашнего дня.

Впрочем, и на утро они продолжили спорить об имени героини рассказа.

– Так значит – Тильда? – осторожно поинтересовался Пи-

сатель.

– Нет, Ильда! – воскликнула его помощница.

– Ильда – мягче и прямее?

– О, своими шуточками ты решил довести свою рыжую толстуху до истерики?!

– Юленька, это не шуточки, а манера работать, – неожиданно серьёзно заявил он. – Порою неведомым образом ко мне в голову залетают странные мысли и подробности. В данном случае, такой деталью стало женское имя. Вчера оно прилетело, сегодня я его обдумываю, полагаясь на цепочки ассоциаций. Так вот, Тильда ассоциируется у меня с чем-то достаточно жёстким, но колеблющимся, как волнистая линия. Ильда кажется мне более прямой, целенаправленной, но, как ни странно, мягкой. Учитывая, что тебе нравится это имя, а именно от тебя исходила идея наградить именем вовсе не чужую для нашего героя женщину, мы принимаем решение, в спорах нами рождённое. Итак...

«Адам понял, что не сможет отказать Ильде в возможности познакомиться со своими работами. Для этого, разумеется, ему следовало пойти на серьёзный и решительный шаг, а именно: допустить бывшую помощницу в свою квартиру, своё логово. Холодный рассудок подсказывал: «Будь последователен. Твой счастливый роман с Ильдой позади. Она – замужняя женщина. У неё своя, новая жизнь, и посещение ею твоего дома выглядит противоестественным».

Адам взял неделю на размышления, но и семь дней спустя не захотел слушать голос рассудка. Вскоре Ильда впервые вошла в логово Адама, окунулась в его атмосферу и погрузилась в глубины неожиданного для неё увлечения бывшего шефа и любовника. Он поил её кофе, показывал свои картины, сопровождая показ краткими комментариями, и очень внимательно наблюдал за реакцией женщины. Она чувствовала себя в его логове, как рыба в воде. Творчество Адама вызвало в ней странное, незнакомое чувство, близкое к мистическому восторгу. Он же понимал, что не ошибся в своём прежнем решении, потому что Ильда оставалась чудесной и нежной фиалкой, которая могла бы легко и естественно прижиться рядом с ним. Однако Адам искренне надеялся, что однажды в его жизни появится прекрасная белая роза, рядом с которой померкнут все цветы на земле. Но сейчас, на глазах Адама, Ильда становилась главным почитателем его искусства, и он понимал, что её первый визит – лишь звено в длинной цепочке. Она решительно не желала портить жизнь человеку, который когда-то понял и принял её, как личность; освободил для неё серьёзную, хорошо оплачиваемую, должность в солидной фирме, а самое главное – из глупой, невзрачной девчушки превратил её в настоящую женщину, знающую себе цену. Но понимала Ильда и то, что не сможет теперь не стремиться в этот дом, к этим картинам. И если их автор позволит, будет возвращаться к ним вновь и вновь, наслаждаться ими. В тайне от всех

Ильда по-прежнему желала заботиться и оберегать своего бывшего шефа, а теперь и результаты его творчества.

Гостье пора уже было уезжать, когда Адам с тяжёлым вздохом поставил на мольберт перед сидящей в кресле женщиной ещё одну картину. Глаза бывшей помощницы бухгалтера расширились и вспыхнули. Не отрываясь, она смотрела на портрет, как в зеркало смотрела, как в чудесное отражение чувств автора к ней. «Вы... Я...» – Ильда попыталась выдавить через пересохшее горло особенные слова, но так и не смогла закончить предложение. Зато, забыв обо всём на свете, она вылетела из кресла и повисла на шее Адама, а он не смог, не решился её остановить...»

В послеобеденное время в больничной палате появился друг Писателя. Он начал многословную, нарочито радушную беседу о нём самом, но, то ли вопросительно, то ли осуждающе посматривал на старого друга и с недоумением на присутствующую в комнате сиделку. Юлия изящно сгладила неловкость, переведя разговор на тему, представляющую для многих мужчин ценность, превышающую даже важнейшие по своей значимости беседы о погоде – на футбол. Её Адам заулыбался и дальше регулировал тематику беседы лично...

– О нашей футбольной сборной можно говорить бесконечно и бесполезно, – вскоре закруглил он поднадоевшую ему тематику и перевёл стрелку разговора: – Как у тебя-то

дела?

– Да, всё, как обычно. Воюю с таджиками, – уклончиво ответил друг Писателя.

– Объявил войну Таджикистану?

– Ну, не то, чтобы всему Таджикистану, но группе его представителей. Они третий месяц не могут доделать пристройку к дому. Безрукие бездельники! Полгода назад у моей жены родилась интересная идея: нанять целую бригаду работников, чтобы задействовать их на строительстве и ремонте не только построек на нашем участке, но и во всём посёлке.

– Да ещё и подзаработать на работничках, ничего не делая, – с усмешкой кивнул Писатель.

– Скажешь тоже: ничего не делая! – оскорбился его друг: – А реклама, а поиск заказчиков, а контроль?

– Контроль над финансовыми потоками?.. Да, шучу я, шучу. Как жена поживает?

– Проблемы с таджиками и её коснулись. Ты же помнишь, какая она чувствительная и ранимая? Болеет сейчас, и вообще, болеть стала часто, но продолжает работать... Да что это я всё о себе и о себе? Ты о достижениях нашего общего друга не слышал? Нет?! Вот он-то выдал, так выдал!

– Ну-ка, ну-ка...

– Год назад надоело нашему другу сердечному работать по специальности, решил он в общественные деятели податься! Собрал коллег по прежней работе, институтских зна-

комых, заинтересованных друзей и создал общественно-политическую организацию ПБОС, что означает – «Партия бурения открытым стволом».

– Как-как?! Ну, красавец! – Писатель рассмеялся в голос. – С такой фантазией моя помощь ему точно не нужна! Да и возраст ещё позволяет ему идти на эксперименты.

– Эксперименты? Он уже местные выборы выиграл!

– Да ну?! Где? В Держинске?

– В одиннадцатом микрорайоне Держинска.

– О, надо позвонить другу, чтобы поздравить его с высоким постом мэра одиннадцатого микрорайона!

– Тебе бы всё шутки шутить, – пробурчал гость, неодобрительно взглянув на потешавшегося Писателя, – а по слухам наш друг получает хорошую прессу, поддержку населения и чиновников по всей Верхнегородской области.

– Если он что-то выиграл, то к нему сразу и пришли, – отсмеявшись, заметил Писатель.

– Кто?

– Представители родственной организации под названием «Контора глубокого бурения». Знаешь такую партию, дружище?

– Нет, – недоумённо ответил он.

– Знаешь-знаешь! Головной офис у них в Москве, на Лубянке.

– А-а-а, – оживился гость, – эти к нему приходили, он сам мне рассказывал, когда в Москву приезжал. Говорит, сначала

ла выражали недовольство названием его партии, да и вообще. Но в результате всё закончилось миром, стороны подписали взаимовыгодный договор. А «Партия бурения открытым стволом» во главе с нашим другом сердечным в ближайшее время поборется за места в муниципальных собраниях по всей области, в том числе и в областной Думе Верхнего Старгорода. Кстати, у ПБОС, действительно, очень высокий рейтинг. Народ любит своих, местных...

– Лихо наш друг развернулся! – уважительно отозвался Писатель, но не удержался от очередного смелого заявления: – Теперь я знаю имя приемника дяди Вовы!..

Утром, ещё до прихода Юлии, в больничную палату на удивление тихо вошли рабочие. Судя по звукам, они произвели небольшую перестановку мебели и поставили что-то довольно тяжёлое у стены, в паре метров от кровати Писателя. «Кушетка круглосуточной сиделки», – подумал он, хмыкнул, покачал головой и улыбнулся...

– Переезжаешь? – встречал Адам свою Еву.

– Уже переехала, мой дорогой! – хихикнула она, целуя Писателя. – Вещей у меня немного, разом всё и привезла.

– Так я и знал – бесприданница! – негромко, но весело рассмеялся он.

– Зато у меня есть масса других достоинств! – со смехом отозвалась Юля. – Но довольно потешаться и бездельничать. Водные процедуры, завтрак и работать...

– Как скажете, мэм! Я готов! – отрапортовал Писатель, но не обошёлся без того, чтобы не устроить сиделке подвох: – Однако ты даже не поинтересуешься моим самочувствием, милая?

– Что-то не так? Тебе не по себе? – моментально напряглась она. – Ну, не молчи, ответь: как ты себя чувствуешь?

– Не пугайся, Ева моя, сегодня и завтра моё состояние не будет вызывать опасений, а вот послезавтра...

– Ох, не будем забегать вперёд так далеко... Вообще, не понимаю, откуда тебе известны точные даты приступов... Видишь ли, я верю тебе и... верю в тебя, в лучшее!

– I want to believe...⁶ – прошептал он.

– Вот именно: хочу и буду верить!..

«Бухгалтер и художник Адам пребывал в сомнениях. Впрочем, это было его нормальное состояние, когда речь шла о философских вопросах и личной жизни. Нет, он не выбирал один путь из нескольких вариантов или меньшее зло из двух возможных. Но его мучило как несовершенное устройство мира, так и собственное несовершенство. Убеждая, что человек поступает логично и правильно, разум человека твердил прописные истины: «Что Бог не делает, всё к лучшему», «Делай, что должен, и будь, что будет» и так далее. Чувства робко протестовали. У Адама имелся проверенный рецепт для мужчины, утратившего спокой-

---

⁶ Я хочу верить (англ.)

ствие: упорядочить в своей жизни всё, что только можно. Рецепту он и последовал. На некоторое время Адам отказался от занятий живописью, выбивавшей его из жёсткой колеи. Он привёл в полный порядок домашнее хозяйство, совершил давно просроченные визиты вежливости, ужесточил дисциплину на работе, в основном свою собственную. Каждый будний день, собираясь утром в бухгалтерию своего государственного учреждения, Адам выходил из дома в одно и то же время, шёл десять минут пешком с фиксированной скоростью и садился в голову одного и того же вагона поезда метро, подъезжавшего к перрону девственно пустым в точно известную бухгалтеру минуту. Так происходило ежедневно, кроме выходных и праздников, на протяжении месяцев. Подчинение строгому графику дисциплинировало, разгоняло глупые эмоции, успокаивало. Утренняя поездка в метро занимала у Адама около тридцати минут, чаще всего в сидячем положении. В эти минуты он либо прикрывал глаза и компенсировал недостаток ночного сна, либо смотрел по сторонам и размышлял. Читать в транспорте он запрещал себе категорически, руководствуясь, тем, что человек, проводящий рабочий день и часть свободного времени за компьютером, и без того рискует ухудшением собственного зрения. В соблюдении этого правила имелись и другие преимущества. Оказалось, что и во время короткой поездки в подземке художник может черпать вдохновение из окружающей его действительности, всматрива-

сь в утренние лица попутчиков. Сонные, помятые, сосредоточенные, встревоженные, мрачные; реже бодрые, весёлые и довольные – разные лица разных людей. Они вызывали интерес Адама, когда в них присутствовали, пусть ещё и не вполне проснувшиеся, но выраженные эмоции, работа мысли, жизнь. Вы замечали, как редко улыбаются люди в московском метро? Адам улыбаться не стеснялся. Нет, он не выглядел дурачком, улыбающимся всем и всегда. Он умел улыбнуться в нужный момент и каждый раз по-разному: иногда свободным взмахом кисти – широко и открыто, иногда лёгким карандашным росчерком – уголками глаз. И попутчики реагировали на Адама неодинаково: кто-то улыбался в ответ, кто-то прятал глаза или отворачивался. В этом не было ничего удивительного или обидного – в вагоне, как и в жизни, едут по своим делам самые разные люди.

С течением времени Адам обнаружил, что ни он один ежедневно отправляется на работу в одно и то же время, в определённом вагоне конкретного поезда. «Знакомые лица незнакомых людей» – так он назвал новую галерею зарисовок и портретов, рисуя их вечером, после работы, по памяти. Изображая попутчиков, художник пытался угадать их характеры, склонности, жизненные коллизии.

Первым в череде рисунков оказался портрет крепкого, но немного потрёпанного, вечно хмурого мужчины. Встречая его в вагоне метро три-четыре раза в неделю, Адам не рассматривал мужчину в упор, а лишь периодически бро-

сал на него доброжелательные взгляды. Не прошло и месяца, как они кивали друг другу при встрече, как старые знакомые. Адаму не составляло большого труда замечать признаки дурного настроения или недомогания незнакомца, например, от простуды или похмелья. Ободряющая улыбка – естественное проявление сочувствия, которым он мог поддержать попутчика. Полученная им впоследствии ответная улыбка стала лучшим откликом на радушие, сигналом доверия.

Привлекла внимание художника и женщина средних лет, не выпускавшая из рук и не сводившая глаз со своего смартфона. Уткнувшись в него, она стояла на перроне в ожидании поезда, с опущенной головой заходила в вагон, усаживалась на свободное место. Заглянув через её плечо, можно было понять, что женщина увлечена чтением, но толком рассмотреть лицо читательницы Адаму не удавалось. Погружённая в литературные глубины, она не поднимала глаз на банальных попутчиков. На рисунке художника читательница так и застыла, склонившись над экраном смартфона в поезде, несущемся по тоннелям.

Нередко в одном вагоне с Адамом появлялись две женщины – сорокапятилетняя мать и весьма похожая на неё двадцатипятилетняя дочь. Оказываясь на противоположной от них скамейке вагона, он с интересом наблюдал за общением пары. Чаще всего мать в шуме поезда что-то толковывала дочери, а та кивала, хмурила брови, соглашаясь,

а может быть, делая вид, что соглашается. Иногда, наоборот, дочь что-то объясняла матери, а та спешила высказать ей своё мнение. Интуитивно, чисто по-женски, старшей женщине не раз удавалось перехватить взгляд Адама, и тогда она поглядывала на него заинтересованно. Заметив взгляд матери, дочка смотрела на мужчину неодобрительно. Но стоило ей оказаться в вагоне без сопровождения, а такое происходило время от времени, как выражение лица молодой женщины разительно изменялось. Теперь создавалось впечатление, что не художник изучает попутчицу, а она его. Адам внутренне усмехался и отводил взгляд. На его набросках, а затем и на законченных рисунках две женщины непременно изображались вдвоём.

Следует заметить, что метрополитенную галерею Адам пополнял исключительно карандашными рисунками. Чёрно-белые изображения точно соответствовали его задумкам, но однажды на перроне появилась ОНА. Художник обмер, уткнувшись в удивительные сиреневые глаза с пронзившими Адама зрачками. Аналогов этому взгляду он не смог найти в памяти о своей долгой жизни. Адам не знал объяснения их феномену. Позднее он понял, что дивные глаза принадлежат высокой и стройной, молодой русоволосой женщине с мягкими линиями лица. Она не выглядела писаной красавицей, но её лицо произвело на художника неизгладимое впечатление. Точные линии почти идеально прямого, изящного носа. Мягко выступающие скулы и чуть впалые щёки.

Уютный подбородок, а над ним нежные губы: красиво прорисованная верхняя слегка выступала над чуть припухшей нижней губой. Под красивым гладким лбом ровные светлые брови, а ниже мягкие впадины глаз. И в довершении этого гимна нежной и мягкой женственности – три бледных родинки: на левой щеке, на правой стороне подбородка и, не сразу замеченная Адамом, родинка у маленького изящного правого уха. Чтобы изучить детали и особенности этого лица художнику понадобились недели, но сиреневые глаза, в которые он рвался и одновременно боялся заглянуть, убивали его. Парадоксальным образом они прошивали насквозь, диссонировав с мягкостью женского облика, и, в то же время, гармонизировали этот облик. Адам был сражён в самое сердце и вскоре нашёл для попутчицы единственно возможное, собственное имя – Ева».

– Нет, я отказываюсь это понимать! – вскричала Юлия. – Дотрагиваясь до моего лица, ты мог изучить его детали. Но цвет волос и глаз? Каким образом ты досконально описал мой портрет? Ты давно и хорошо знаешь меня?!

– Ну что же ты так волнуешься, милая моя девочка? – тепло улыбнулся Писатель. – Я всего лишь описал лицо Адамовой Евы. А тебя я, конечно, знаю. Хорошо ли? Долго ли? В моём понимании, довольно долго – с того самого момента, как ты впервые вошла в мою больничную палату.

– То есть, это – не зрение, а ясновидение? – поразились

Юля. – Не знание, а тонкие чувства? Ты пугаешь меня, мой Адам! Ты погружаешь меня в какое-то особенное, неизведанное пространство...

– Пространство моей души, быть может? – задумчиво проговорил он. – Если ты на самом деле хочешь попасть туда, не сопротивляйся...

День давно уже склонился к закату, но сегодня Писателю не требовалось прощаться со своей дневной сиделкой и расставаться с ней до утра. Он не забывал об этом, она же, по всей видимости, собиралась превратить наступление ночного отдыха в завораживающий спектакль. Юлия стала непривычно молчаливой, быстро и аккуратно закончила все необходимые её подопечному процедуры и закрылась в душевой комнате. Она провоцировала Писателя на мысли о себе, нескромные мысли. Слушая раздающиеся из-за неплотно прикрытой двери звуки ниспадающей воды, мужчина невольно представлял себе нагое и мокрое женское тело. Болезнь, разумеется, не добавляла ему сил, но, как и говорил врач, в период ремиссии больной мог ощущать себя, как полноценный мужчина. Несмотря на возраст, а Писатель давно шагнул в свой седьмой десяток лет, сейчас он чувствовал, что доктор не обманывает. Шум воды в душевой стих, больной услышал шлёпанье босых ног и лёгкое кряхтенье кушетки Юлии. Женщина по-прежнему предпочитала молчать.

– Ты не хочешь пожелать мне спокойной ночи, Юля? – не выдержал больной.

– Я – Ева! – таинственно произнесла она. – И мне кажется, что мой Адам хотел задать другой вопрос.

– Возможно. Мне приятно и понятно, ради чего ты приходишь сюда утром, но зачем ты здесь ночью?

– Не ради чего, а ради кого! И днём, и ночью. В конце концов, я не только сиделка и помощница Писателя. Ты ещё не знаешь этого, потому что нам не хватает дня. Впрочем, если тебе достаточно...

– Не достаточно! – тихо, но убеждённо заявил он.

– Приятно слышать! Скажи, а твоя кровать не слишком просторна для одного человека? В таком случае, сиделка просто обязана согреть больного, но при условии, что он откроет ей свою тайну...

В полной тишине больничной палаты даже самый слабый звук слышался отчётливо, особенно для незрячего больного. Чувствуя себя мальчишкой, которому взрослая женщина категорически запретила подсматривать, но позволила подслушивать, с подзабытым трепетом он вслушивался в каждую мелочь. Закряхтела и скрипнула кушетка сиделки, раздался шелест ткани, затем, легко расшаркиваясь с полом, к кровати больного приблизились тапочки...

Женское тело скользнуло под одеяло и прижалось к мужчине, Писатель вздрогнул:

– Ты... Ты предпочитаешь спать нагишом, Ева?

– Я могу походить на тебя хотя бы в этом? – вопросом на вопрос ответила она. – К тому же так тебе будет легче продолжить изучение своей Евы. Лицо мягкой и беззащитной сиделки ты уже знаешь, как оказалось...

– Похоже, что это тебя требуется согреть, а не наоборот, – тихо проговорил он, обнимая Юлию.

Изучение своей помощницы на ощупь Писатель начал с повторения пройденного. Волосы, цвет которых он определил более по наитию, нежели по структуре. Гладкая, бархатистая кожа лица, чьи мягкие линии, подчиняясь движениям ласковых мужских пальцев, рисовало изображение Писателя. Милые родинки, подчёркивающие индивидуальность и особую прелесть этого лица. Губки... Названный ею Адамом, мужчина не смог удержаться от того, чтобы лёгкими прикосновениями не поцеловать уголки рта своей Евы. Женщина не отвечала, она замерла и только сильнее прижималась к своему мужчине. А он скользнул рукой по её шее и плечу, улавливая обострившимся слухом учащённое дыхание Юлии-Евы. Ниже... Очутившись ниже, Писатель не удержал собственного шумного и восхищённого выдоха от чуда тактильного контакта, а затем и бешеного ритма женского сердца, стучавшегося в его руку...

«У слепоты есть свои преимущества, – размышлял он после утреннего пробуждения, – не будь я слеп, не знал бы: куда глаза девать?» Проснувшаяся на час раньше своего подопеч-

ного, сиделка, не мешкая, аккуратно выполняла всю обязательную работу. Заканчивая её, она пригвоздила мужскую руку дежурной капельницей, поцеловала больного и только после этого заговорила.

– Здравствуй, мой Адам! Если ты и дальше будешь столь молчалив и неприветлив, я снова стану обращаться к тебе на «Вы».

– Не надо на «Вы»! – ахнул он и понял, что до сих пор не поздоровался с сиделкой: – Доброе утро, мой ангел!

– Вот так – гораздо лучше! – шумно выдохнула она и продолжила: – А ещё обещаю тебе больше никогда не прятать глаза. Ты стыдишься меня?

– Себя! Мне кажется, что сегодня ночью я позволил себе слишком многое. Юленька, Ева моя – ты чудесная женщина, которая мне не принадлежит...

– Определись, наконец: твоя или не твоя, чужая или родная! – воскликнула она.

– Моя родная! – не раздумывая, произнёс он и только после этого задумался и дал точное определение: – Ты – моя нечаянная радость, неожиданно родная женщина, вдвое моложе меня.

– Последние слова мог бы и не произносить, но если тебе так необходимо расставить точки над «i» раз и навсегда, изволь! Ещё неделю назад мне и в голову не могло прийти то, что происходило прошедшей ночью. Даже вчера я сомневалась, хотя ужасно хотела заснуть и проснуться рядом с тобой.

Но то, что случилось в реальности, не укладывается в мой слабый разум и превосходит все, самые смелые мечты...

– Никогда бы не подумал, что здесь, в больничной палате, найдётся женщина, которая сделает меня счастливым! Но, девочка моя, если эта ночь...

– Молчи, глупый мужчина! – возмутилась Юлия. – И, вообще, нам пора работать...

«Считанные дни потребовались бухгалтеру, вечерами превращавшемуся в художника, чтобы нарисовать первый, карандашный портрет Евы. Вслед за ним он сделал набросок акварелью, но результат не удовлетворил автора. Писать Еву маслом ему решительно не хотелось. Адам желал, чтобы к портрету можно было подойти вплотную и не испортить впечатления. Он решил использовать пастельную технику, но работа прервалась в самом начале. Теоретически, художник мог продолжать работать над портретом, но душа его была не на месте. Его Ева пропала!

Очаровавшая Адама попутчица и ранее позволяла себе отлынивать от поездки в заветном вагоне. «Эх, опаздывает Ева на работу!» – с неудовольствием отмечал про себя бухгалтер, не обнаруживая эсеницу на перроне. «Не заболела ли?» – тревожился он, когда она отсутствовала два-три дня. «Вроде бы, для отпуска время не самое подходящее, но мало ли?» – успокаивал себя Адам в этот раз, но Ева не появилась, ни через неделю, ни через месяц. Её портрет

пастелью он дописывал по памяти и назвал его «Ева потерянная». Жизнь Адама продолжилась без утренней, трогательно-мягкой нотки радости».

– Это – безобразие, мой дорогой! – возмутилась Юлия. – Зачем ты мною пожертвовал?!

– Во-первых, не тобой, а попутчицей нашего бухгалтера-художника, – засмеялся Писатель.

– Но внешне мы с ней похожи, как две капли воды, а имена...

– Юленька, не запутывай меня схожестью имён и не смешивай вымысел и реальность, пожалуйста! Я ещё не знаю, чем закончится наш рассказ...

– Не знаешь?! – ахнула сиделка.

– Разумеется, не знаю, – кивнул её подопечный и пояснил: – Ты же сама видишь, как герои изменяются, знакомясь друг с другом, переживая, размышляя, просто проживая тот отрезок времени, о котором мы с тобой пишем. Откуда же мне заранее знать, что они ещё вытворят?

– Тогда, давай продолжим скорее...

«Человеку несвойственно долго горевать над утратой, если её цена – не сама жизнь. Написав «Еву потерянную», Адам повесил портрет на стену своего логова, в ряд самых удачных, дорогих его сердцу работ и со вздохом двинулся дальше. Кстати, следует упомянуть, что первым и самым

восторженным ценителем портрета Евы оказалась Ильда, продолжавшая еженедельно общаться с бывшим шефом по телефону, а теперь, и приезжавшая раз в месяц с визитом в его логово. С течением времени эти, дозволенные Адамом, визиты приобрели стройность, системность, полностью устраивающую и гостью, и хозяина квартиры. Ильда старалась выбираться к Адаму либо в выходной день, либо под выходные дни, чтобы иметь достаточно времени на созерцание картин и разговор с их автором. Почти всегда она привозила с собой что-нибудь вкусное, и они с Адамом неторопливо ужинали, не прерывая доверительного разговора двух давних и приятных друг другу собеседников. О себе Ильда рассказывала немного, зато с удовольствием слушала Адама. Скрывать что-либо от бывшей помощницы он не видел смысла, а потому искренне рассказывал ей о перипетиях собственной жизни и творчества, о новых идеях и задумках.

Однажды Ильда неожиданно попросилась переночевать в его квартире, и Адам не нашёл причины для отказа. Он положил её на свой диван в комнате, а сам отправился спать на кухню. Мысли об особенностях отношений с Ильдой в прошлом непрошено лезли в голову Адама. Он безрезультатно гнал их и ворочался на узком кухонном диванчике до тех пор, пока не отворилась дверь, и на кухню не зашла сама Ильда. Падающий из окна рассеянный лунный свет таинственно освещал её наготу. Адаму показалось,

что женщина не подготовила подходящей фразы для своего эффектного появления. Ильда подтвердила догадку мужчины, трогательно и доверчиво прошептала: «Мне страшно... одиноко там без Вас, Адам Христофорович!»

Если он и предполагал, что их близость с Ильдой давно не актуальна и не принесёт прежних эмоций и удовольствия, то жизнь опровергла подобные предположения категорически. Проснувшись утром излишне рано для выходного дня, Адам моментально почувствовал нежное прикосновение женских губ к своему плечу, а вслед за этим увидел затуманенный взгляд припухших после сна, близоруких глаз Ильды, заставивший его сердце сжаться. Не позволяя себе стать лёгкой добычей милой и трогательно-беззащитной женщины, он чмокнул её в розовую щёчку, вскочил с постели и отправился на кухню, варить кофе. Через минуту Ильда прибежала помогать ему...

Войдя в новый виток чувственности, их отношения не изменились коренным образом и сохранили стройность и периодичность. Разумеется, иногда случались исключения из правил. Как-то раз бухгалтер сильно простудился. На всём белом свете не было ни одного человека, с которым он хотел бы общаться в таком состоянии даже по телефону. Ни одного, кроме Ильды. На вторые сутки болезни Адам не выдержал и сам позвонил ей на работу. Вечером бывшая помощница уже отпаивала его чаем с малиновым вареньем, накладывала влажную салфетку на горячий

лоб Адама, пичкала его лекарствами и заставляла мерить температуру. Она пробыла у него целую неделю, отлучаясь только в магазин за медикаментами и продуктами. Причём последние три дня из этой недели Ильда носилась с полностью выздоровевшим мужчиной и прекрасно сознавала это. «Я должна убедиться, что Вы в надлежащем порядке», – уклончиво поясняла она и не стеснялась убеждаться в его здоровье при любом подходящем случае.

С другой стороны, однажды случился и длительный перерыв в визитах Ильды. Ограничиваясь лишь нерегулярными телефонными звонками, она отсутствовала немногим менее года, объясняя это семейными сложностями непреодолимого характера. Но эта история произошла гораздо позже, а сейчас Ильда радовала Адама своей неизменной нежностью и участием, не лезла к нему с пустыми расспросами и стала первым зрителем и свидетелем появления нового персонажа в галерее «Знакомые лица незнакомых людей».

В сущности, этот ряд рисунков пополнялся с завидным постоянством. Желание Адама рисовать попутчиков не иссякало, а люди, появившиеся в «его выгоне» метро несколько раз подряд, а порой и единожды мелькнувшие, но оставившие след в воображении художника, не переводились. Но появления важного, несущего серьёзную смысловую нагрузку, персонажа со времён Евы не наблюдалось. Впрочем, Адам признавался, что этот новый человек, на самом деле, попал в поле его зрения приблизительно в одно время с Евой,

но оставался в тени вплоть до её исчезновения.

Скромно державшейся маленькой женщине вряд ли исполнилось более двадцати пяти лет, а на первый, поверхностный взгляд она смотрелась ещё моложе. Потеряв Еву, Адам обратил на неё внимание не потому, что глазам художника потребовался новый источник вдохновения. Совершенно неожиданно он стал подмечать в лице девушки собственные черты! Переносил их карандашом на бумагу, Адам всматривался внимательнейшим образом и восклицал: «Ну, конечно же, это мой лоб, скулы и подбородок! Так, может быть, передо мной моя взрослая дочь?!»

Не исключено, что годами отгоняемая в сторону, детская тема нашла момент, чтобы наброситься на бездетного Адама. Он на полном серьёзе начал строить предположения о том, кто бы мог быть матерью девушки, отцом которой мнил себя Адам. Память услужливо предложила ему подходящую кандидатуру на роль мамы молодой попутчицы, названной Адамом Анастасией, Настенькой. Убеждая самого себя в том, что его подозрения не беспочвенны, художник снова взглядывался в плодящиеся рисунки: «Линия носа, безусловно, материнская. И разрез глаз Настя унаследовала по женской линии, но цвет глаз – мой, и брови – мои!» Выслушивая «откровения» Адама, Ильда не спорила с ним, не пыталась скептическими улыбками внести сомнения в стройную цепочку умозаключений. Из разговоров на тему когда-то тайно рождённой, а теперь нашед-

шейся дочери, она вынесла важнейшее понимание проблемы, а оглашение своих выводов оставила на будущее. Впрочем, и в планах бухгалтера не значились решительные действия. Адам надеялся, что проблема решится сама собой, что невероятная дочка самостоятельно, без подсказок узнает своего папу. Бесплезное ожидание приводило к мрачным раздумьям: «Неужели мать ничего не рассказывала нашей дочери о её настоящем отце? Пусть я не банкир или нефтяной магнат, но ведь и не бомж, и не алкаш подзаборный. Что-то здесь не так. Остаётся снова надеяться на завтрашний день». И однажды столь желанное завтра наступило...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.